

Музей алтайского марала

Н.А. Фролов

**Уймонские
мараловоды**

Бийск-2019

УДК 636.294
ББК 5.03(2Рос-Алт)52
Ф 912

Фролов Н.А.

Ф 912 Уймонские мараловоды: Н.А. Фролов. – Бийск: 2019. – 60 с, ил.

Данная работа посвящена истории мараловодства в одном из самых известных сел Алтая Верхнем Уймоне и верх-уймонцам, которые и делают эту историю. Содержание очерка восполняет пробелы в истории развития деревни Верхний Уймон. Материалы очерка помогут современным коренным верх-уймонцам отыскать своих предков, живших в 1917 г. в деревне Верхний Уймон. Материалы очерка будут полезны и поучительны современным мараловодам Алтая.

УДК 636.294
ББК 5.03(2Рос-Алт)52

От автора

Судьба связала меня с Верх-Уймоном с декабря 1991 года, когда я случайно познакомился с Сергеем Ильичом Огневим, директором «Совхоза имени 60-летия СССР». С той поры вот уже 26 лет эти места для моей семьи стали родными и по работе, и по мироощущению.

Здесь Сергей Ильич в 1992 году на собрании верх-уймонцев назвал меня «ученым из Бийска» и, возможно, «запрограммировал» на многолетние исследования истории пантового оленеводства Алтая. Здесь в одном из колхозов сразу после войны начинала работать зоотехником моя мама, тогда еще совсем молодая. Здесь при поддержке С.И. Огнева я вставал на ноги как предприниматель и начинал участвовать в создании отечественного рынка продукции из пантового сырья. Это наша общая с верх-уймонцами 26-летняя история.

В 2019 году исполняется 162 года с момента появления мараловодства в деревне Верхний Уймон, 60 лет со дня рождения Сергея Ильича Огнева.

Кроме этих событий, накопилось много всякого рода легенд-небылиц о дореволюционных верх-уймонцах, размерах их хозяйств и т.д. Осенью 2018 года я неожиданно для себя поднял все архивные материалы и литературные источники и в «два присеста» написал этот материал, не претендуя, конечно, на полноту изложения. Возможно, некоторые читатели найдут здесь фамилии своих прадедов, дедов и даже родителей и других родственников.

Вам всем, дорогие верх-уймонцы, посвящается эта работа.

Глава 1

ПОЯВЛЕНИЕ МАРАЛОВОДСТВА В ДЕРЕВНЕ ВЕРХ-УЙМОНСКАЯ

Сегодня село Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай слывет одним из самых знаменитых в Сибири. Связано это, в первую очередь, с историей освоения Уймонской долины старообрядцами. Затем — с посещением села в 1926 году экспедицией Николая Рериха, выдающегося русского художника, философа и писателя. Все это делает горное село привлекательным для того, чтобы совершить достаточно длинное путешествие в Уймонскую долину.

В интернете временем образования села почему-то часто называют 1786 год, хотя историки не подтверждают эту дату. По литературным и архивным материалам известно, что после церковной реформы 1750–1760 годов произошел раскол среди верующих и началась беспощадная борьба государственной и церковной властей с раскольниками, то есть с теми, кто не принял церковных нововведений. Спасаясь от репрессий, староверы бежали на самые окраины огромной России, в том числе за каменные хребты Бухтармы и Верхней Катунь. В горах искали пристанище не только староверы, но и представители многих слоев российского народа, по разным причинам попавшие в немилость власти. Религиозный и социальный мотивы побегов были тесно связаны.

Какие испытания пришлось пройти старообрядцам в процессе освоения ими горных территорий Алтая, я описал в своей работе «Социально-экономический портрет мараловодов дореволюционного Алтая» [26].

Профессиональные историки утверждают, что основателем села Верхний Уймон стала семья старообрядца Гавриила Бочкарева из устья реки Аргут. По требованию властей он с тремя сыновьями и дядей спустился в Уймонскую долину и поселился на правом берегу Катунь, ниже слияния ее с рекой Кокса. Л.Н. Мукаева отмечает, что основание Верх-Уймонской деревни произошло между 1796 и 1798 годами, а Бочкаревы стали первыми верх-уймонцами [18].

В числе первых путешественников, посетивших в 1826 году Верх-Уймонскую деревню, были ученые А.А. Бунге и К.Ф. Ледебур. А.А. Бунге провел в этой деревне несколько дней, много общался с ее жителями и записал: «Деревня Уймон обязана своим основанием нескольким беглецам, которые около 35 лет скрывались в одной местности по Аргуту, впадающему в Катунь выше Чуи. Они были переловлены, но по милостивому манифесту Императрицы Екатерины получили дозволение поселиться здесь и жить на тех условиях, как и калмыки, т.е. платить вместо всех податей один ясак. Тогда они находились еще в ведении калмыцкого зайсана, но это

скоро изменилось. Положение деревни совершенно закрытое. Для местных жителей оно благоприятно тем, что дает им возможность вести выгодную торговлю с калмыками и китайцами» [21, с. 64].

А.А. Бунге отмечал, что в год его посещения у верх-уймонцев было развито скотоводство. «Пчеловодством уймонские крестьяне занимаются мало и неудачно, — писал Бунге, — главнейшее занятие жителей деревни Уймонской, особенно зимою, состоит в зверопромышленности... Олень — самец в особенности — преследуется жестоко из-за своих рогов. Когда они молоды, мягки и покрыты волосками, их осторожно засушивают и потом поштучно продают монголам (китайцам в Монголии — Н.Ф.), которые дорого за них платят и вывозят в Китай, где они очень ценятся, как медицинское средство (как Stimulans)» [21, с. 66].

Буквально в это же время в Уймонской деревне побывал и К.Ф. Ледебур, который затем рассказал следующее: «Деревня Уймон, основанная 25 лет тому назад, насчитывает 14 крестьянских изб и находится в долине, окруженной полукругом гор около трех верст в диаметре. Южнее этих гор, на заднем плане, видны белки. Пшеницу здесь уже не сеют, да и рожь не каждый год дает хорошие урожаи. Год тому назад (в 1825 году) она пострадала от заморозков. Не занимаются здесь больше и пчеловодством. Однако, несмотря на это, крестьяне живут в очень большом достатке, держат помногу скота, да и охота приносит им богатую добычу, особенно дичи для пропитания и пушного зверя для мехов. Но главный доход дает им охота на маралов, которая происходит ранней весной, пока рога у маралов еще одеты мочкой и имеют мягкие верхушки. На воздухе рога затвердевают, и охотникам платят большие деньги — от 50 до 100 руб. за целые рога» [21, с. 89]. Таким образом, К.Ф. Ледебур подтверждал появление деревни Верхний Уймон в самом конце XVIII века и отмечал вместе с А.А. Бунге, что уже в 1826 году верх-уймонцы знали ценность пантов марала, успешно охотились на этого «зверя», владели приемами консервации пантов и торговали пантами. Все это являлось серьезной предпосылкой для появления мараловодства в этой деревне.

Зарождение мараловодства в Верхнем Уймоне я описал в книге «У истоков пантового оленеводства России» [27]. Первым рассказал о мараловодстве в деревне Верхний Уймон исследователь Сибири Н.М. Ядринцев: «Домашнее мараловодство на Алтае началось с тридцатых годов нынешнего столетия... Первые начали разводить маралов по указаниям бийских жителей русские крестьяне Уймонской инородной управы. В деревне Верхне-Уймонской находится ныне до 80 домашних маралов... В Уймоне есть маральник на 100 маралов». Н.М. Ядринцев показывает точные данные: в деревне Верхне-Уймонской содержится 30 рогачей, 20 самок, 18 подростков и 12 голов приплода 1878 года [28].

Из слов Н.М. Ядринцева следует, что верх-уймонцы были первыми мараловодами Уймонской управы. В дальнейшем эта однозначность не подтвердится. Примерно в это же время окружной доктор из г. Бийска Михайловский представил известному исследователю Алтая Г.Н. Потанину справку о мараловодстве, которая была составлена на основании рассказов уймонских крестьян. Г.Н. Потанин записал тогда следующее: «В Уймоне прежде других... завели маралов лет сорок назад Ошлыковы, затем братья Черновы Родион и Афанасий; последние сначала вместе куплей и собственным промыслом заводили стадо, а потом разделились» [20, с. 84].

Г.Н. Потанин отметил, что, «по указаниям уймонских мараловодов», всех маралов считается:

В деревне Верх-Уймонской:	Всего	Самцов	Самок	Телят
у Родиона Чернова	35	10	25	5
у Афанасия Чернова	28	15	13	3
у Михаила Нагибина	4	2	1	1
у Осипа Нагибина	3	1	1	1
у Ермила Нагибина	2	2	-	-
у Ивойлы Бочкарева	3	3	-	-
В деревне Нижне-Уймонской:				
у Ошлыкова	8	3	3	-

Данные этой таблицы Г.Н. Потанина не убеждают в том, что у Ошлыковых маралы появились раньше, чем у Черновых. Г.Н. Потанин информирует нас, что на зиму 1877–1878 гг. Родион Чернов заготовил на 35 маралов 300 копен сена, а Афанасий Чернов на 28 маралов — 200 копен. Родион Чернов в зиму расходовал на своих оленей, помимо сена, до 50 пудов овса и 2 пуда соли. У этого мараловода маральник был размером «около двух верст кругом». У Афанасия маральник был размером 100 x 250 саженей.

Вот что еще сообщает об этих мараловодах Г.Н. Потанин: «По заверению зверопромышленников, ни одно дикое животное так скоро не ручнеет, как марал. Он привыкает к хозяину, бежит к нему с мычанием, как бы прося хлеба, ласкается к нему, позволяет чесать себя и гладить, но только боится чужих людей. Когда Чернов входит в свой маральник и крикнет: "Маралки, маралки мои", звери со всех сторон бегут к нему, ласкаются и ищут около него хлеба. Некоторые животные, впрочем, остаются ди-

кими на всю жизнь. Вот дословный рассказ Родиона Чернова: "Родится теленок, почти три дня лежит на одном месте; когда мать придет и станет над ним так, что он очутится у ней под брюхом, и потычет его рылом, он встанет, пососет и опять ложится; если к нему подойдешь, он прижмется к траве, как мышь, но не двинется, бери его и неси, куда хочешь. На четвертый день он уже на ногах и ни за что не даст к себе подойти: таким одичалым он остается до зимы. Зимой, если мать ручная, и он тогда приучается к хлебу и потому совершенно ручнеет"» [20, с. 87].

Г.Н. Потанин отмечает, что из-за монополии торговли пантами Гелёвыми и Ошлыковыми цена на них в последнее время значительно упала: «Родион Чернов в 1877 году за 90 руб. продал три пары таких рогов, которые несколько лет назад были бы проданы по 60 руб. за пару. Другие 9 пар, по прежним ценам стоившие 250 руб., были проданы ныне за 150 руб. Эту выручку следует еще уменьшить, потому что купцы расплачиваются не деньгами, а товаром: дабой, ситцами, чаем и пр., причем так расценивают свой товар, что 90 руб. нужно считать за 40, а 150 за 80 руб. Сами владельцы маралов не возьмут свой товар прямо в Улясугай, боясь лишних расходов. Впрочем, три года назад Шарапов повез 60 пар рогов в Улясугай, но на дороге, уже в пределах Монголии был ограблен неизвестными людьми» [20, с. 88].

Уймонцы, по словам Г.Н. Потанина, лучшим мараловодом считали Родиона Чернова: «Этот крестьянин занимается мараловодством не столько из корысти, сколько по страсти, как любитель. Он все время проводит в маральнике, так что односельчане, имея нужду в нем, идут к нему не в избу, а в маральник; он лучший знаток своего дела и с охотой рассказывает о нем, тогда как другие с недоверчивостью относятся к расспросам, боятся особых налогов и говорят: "Видно, уже не придется держать маралов всякому, а только богатым". Не говоря о том, что Родион Чернов не жалеет денег на животных, он ухаживает за ними и телят выкармливает на своей постели. Несколько лет назад была им куплена пойманная двух- или трехнедельная самка; он кормил ее сначала молоком, потом крошками; маралушка, как от матери, не отставала от него и спала с ним в избе на кровати; когда ей было около полугоду, самому Чернову пришлось уехать на несколько дней из дома, а на его постели стал спать старший сын его; маралушка улеглась было на постель возле него, но ночью сын Чернова побил ее и прогнал с постели. Два дня маралушка не заходила в избу, потом стала заходить только вечерами, но понюхав спящего на кровати, тотчас же уходила. В день приезда самого Чернова по обыкновению вечером она заходит в избу, нюхает, узнает, вскакивает на постель и начинает ласкаться. Держали ее в избе до 8 месяцев, а потом пустили в общий маральник, потому что она стала обижать ребят, бить их копытами» [20, с. 88–89].

После Г.Н. Потанина в 1882 году о верх-уймонских мараловодах написал русский зоолог А.М. Никольский: «Я видел маралов в Верхнем Уймоне у оседлого инородца Чернова, получившего медаль от помянутого общества (Вольное экономическое общество — Н.Ф.) за разведение этих оленей. Лет 20 тому назад он поймал молодого марала. К этому самцу он привел самку из д. Фыкалки от Шарыповых, у которых еще раньше были маралы в домашнем состоянии» [19].

Между тем деревня Верхний Уймон уверенно развивалась и, по переписи 1893 года, здесь в 90 дворах проживали 670 человек.

В 1897 году на Алтае все лето работал зоолог А.А. Силантьев, который детально обследовал развитие мараловодства в Горном Алтае, включая район реки Бухтармы. Материалы об этом удивительном человеке, сделавшем очень много для развития мараловодства на Алтае, можно более детально изучить в моих работах «У истоков пантового оленеводства России» (2014) и «Социально-экономический портрет мараловодов до-революционного Алтая» (2015). С 10 по 20 июля 1897 года А.А. Силантьев жил в Верхнем Уймоне. Анатолий Алексеевич из 201 имевшегося на Алтае маральника осмотрел 116 и опросил 174 хозяина маральников. По итогам командировки он установил вполне определенно, что первым мараловодом был крестьянин Савелий Игнатьевич Ушаков из деревни Фыкалка (Бухтарма), и точкой отсчета развития отрасли можно считать примерно 1835 год.

В Уймонской долине первый маральник появился, вероятно, в 1857 году. Был это маральник братьев Черновых из Верхнего Уймона или Ошлыкова из Нижнего Уймона — однозначно установить не удалось. Точно известно от А.А. Силантьева, что в Верхнем Уймоне первый маральник организовали братья Родион и Афанасий Черновы в конце 50-х годов. В 1897 году он встретился уже с их сыновьями Леоном Родионовичем и Иваном Афанасьевичем Черновыми и затем записал: «Мараловодам Черновым обязаны своим происхождением большинство маральников центрального и даже северо-западного районов, так как их маральники играют роль как бы торговых питомников, где большинство начинающих заниматься мараловодством приобретают бычков или маток за деньги или, что нередко бывает, в приданое...» [22].

А.А. Силантьев не оставил нам пофамильный список мараловодов Верхнего Уймона в 1897 году. Известно только: в «Уймонском районе Алтая» в этом году было 46 маральников (741 марал) и 65 владельцев этих маральников, то есть примерно 20 маральников уже тогда были, скорее всего, семейно-коллективными [27, с. 88].

В Верхнем Уймоне, по материалам переписи, в 1897 году насчитывалось уже 90 хозяйств. Население составляло 589 человек, в том числе

38 грамотных жителей. Жители этого богатого села имели в собственности 3375 лошадей, 833 быка, 697 коров, более 870 телят и нетелей, 2860 овец и 358 коз. Верх-уймонцы держали 83 марала, хотя мне эти цифры кажутся заниженными, так как старообрядцы крайне не любили всякого рода учеты и переписи. В деревне насчитали 38 пасек с количеством колодок (ульев) более 800.

Более быстро хозяйственному развитию деревни заметно мешал земельный вопрос. Выяснение отношений с властью по этой проблеме продолжалось все первое десятилетие XX века. Данные о развитии населения Верхнего Уймона мне попались противоречивые (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о деревне Верхний Уймон в 1910 году

Источники	Штейнфельд В.П. «Бийский уезд» 1910 г.	«Списки населенных мест Томской губернии 1911 года» (на 1.01.1911)
1. Количество дворов	174	112
2. Количество жителей всего:	824	664
- мужского пола	408	331
- женского пола	416	333

Несмотря на трудности с землей, мараловодство в селе неуклонно развивалось. Расширялись существующие маральники. Родион Блинов, инородец Верхнего Уймона, например, просил власть в 1911 году об аренде дополнительных 100 десятин земли под маральник на правой стороне Катуня, близ деревни Кайтанак [4]. Степан Шабураков, крестьянин, верх-уймонец, просил у власти в аренду под маральник 100 десятин земли в вершине реки Черной [4]. Инородец этой деревни Кузьма Иванович Бочкарев в августе 1911 года просил у начальника Алтайского округа: «В текущем году я арендовал местность, лежащую по р. Малому Шугашу, в количестве 100 десятин, из которых 20 десятин под мараловодство, а остальные 80 десятин под сенокосение...» Далее он с обоснованием просил увеличить срок аренды до 12 лет и снизить стоимость аренды [5].

Появлялись новые маральники, и Верхний Уймон оставался центром развития мараловодства в этом районе Горного Алтая.

Глава 2
**ДЕРЕВНЯ ВЕРХНИЙ УЙМОН
И СОСТОЯНИЕ МАРАЛОВОДСТВА ЗДЕСЬ В 1917 ГОДУ**

В Государственном архиве Алтайского края хранятся материалы сельскохозяйственной переписи населения 1917 года, которые позволяют вполне достоверно проанализировать и описать социально-экономический портрет деревни Верхний Уймон непосредственно перед революцией [3].

В этом году здесь числилось 130 домохозяйств и 2 человека без хозяйств. Всего в деревне проживало 814 человек. Больше всего в Верхнем Уймоне проживало Бочкаревых. Кажется, что логичнее было бы называть в то время деревню Бочкарево или Бочкаревка (табл. 2).

Таблица 2
Состав деревни Верхний Уймон по основным фамилиям, 1917 г.

№ п/п	Фамилия	Количество семей	%
1.	Бочкаревы	45	34,6
2.	Огневые	14	10,7
3.	Черновы	13	10,0
4.	Атамановы	9	6,9
5.	Черепановы	8	6,2
6.	Агаповы	8	6,2
7.	Блиновы	6	4,6
8.	Макаровы	5	3,8
9.	Остальные	22	16,9

В Приложении этой книги любопытный читатель может познакомиться со всеми семьями Верхнего Уймона. Абсолютное большинство верхуймоновцев являлись коренными жителями и в целом успешно занимались сельским хозяйством. Преобладало разведение скота, что совершенно естественно для горной территории с трудным климатом и общим недостатком земли для устойчивого земледелия. Для крестьян того времени огромное значение в хозяйстве имела лошадь: и как тягловая сила на сельхозработках, и как транспортное средство для перевозки грузов и людей, и как товар для продажи. Все вместе верхуймоновцы держали в деревне 2152 лошади, включая жеребят. На одного жителя приходилось 2,6 лошади. Это очень высокий показатель. Вообще лошадей не имели только в трех семьях: у 65-летнего слесаря И.М. Малашина, 60-летней

крестьянки А.С. Огневой и 31-летнего поденщика Е.В. Кудрявцева. Хуже приходилось только У.И. Бочкареву и Г.И. Огневу, которые вообще ничего не имели: ни семьи, ни скота. Распределение домохозяйств в Верхнем Уймоне по количеству лошадей выглядит вполне логично (табл. 3).

Таблица 3

Распределение хозяйств в деревне Верхний Уймон
по количеству лошадей в 1917 году

№ п/п	Количество лошадей	Количество хозяйств	% хозяйств
1.	От 1 до 5 лошадей	34	26,2
2.	От 6 до 10 лошадей	24	18,5
3.	От 11 до 15 лошадей	22	16,9
4.	От 16 до 25 лошадей	26	20
5.	Более 25 лошадей	21	16,2

В числе 34 хозяйств, имевших от одной до пяти лошадей, в основном числились молодые семьи. Совсем немного таких, которые по разным причинам не могли или не хотели иметь их больше. Самыми большими владельцами лошадей были следующие семьи:

1. Чернов Федот Леонович — 115 лошадей.
2. Бочкарев Иван Вавилович — 96 лошадей.
3. Атаманов Филипп Осипович — 89 лошадей.
4. Бочкарев Наум Иванович — 65 лошадей.
5. Бочкарев Максим Вавилович — 64 лошади.

Основной доход верх-уймонцы получали от содержания крупного рогатого скота. Молоко и продукты его переработки, мясо, продажа живого скота и шкур — все это было серьезным источником дохода крестьян Уймонской долины. Все вместе жители этой деревни держали 2722 головы крупного рогатого скота. Шесть семей имели в хозяйстве по 110 и более голов крупного рогатого скота:

1. Чернов Федот Леонович — 150 голов.
2. Иванов Ерофей Иванович — 150 голов.
3. Бочкарев Наум Иванович — 130 голов.
4. Огнев Игнат Иванович — 123 головы.
5. Бочкарев Анисим Михайлович — 110 голов.
6. Иванова Александра Ларионовна — 110 голов.

Распределение хозяйств по количеству крупного рогатого скота в них говорит о высокой обеспеченности верх-уймонцев этим видом сельскохозяйственных (табл. 4).

Таблица 4

Распределение хозяйств в деревне Верхний Уймон по количеству крупного рогатого скота в 1917 году

Количество голов КРС	Количество хозяйств	% хозяйств
1 — 10	36	27,8
11 — 25	64	49,2
26 — 50	20	15,4
Более 50	8	6,2

Вообще не было крупного рогатого скота в хозяйствах С.Л. Караваева (25 лет), И.М. Малашина (65 лет), Т.А. Огнева (43 года). Скорее всего, не из-за бедности, а по каким-то другим причинам.

В составе крупного рогатого скота все вместе верх-уймонцы держали 1294 дойные коровы. В среднем на одно хозяйство приходилось по 10 коров, но в девяти семьях было по одной корове, в восьми семьях — по две, в шести семьях — по три коровы. С другой стороны, в тринадцати семьях содержали более 20 коров в каждой:

Атаманов Филипп Осипович — 28 коров;
Бочкарев Иван Вавилович — 27 коров;
Огнев Филимон Дмитриевич — 27 коров;
Черепанов Ивойла Федорович — 26 коров;
Бочкарев Максим Вавилович — 25 коров;
Блинов Осип Парфенович — 24 коровы;
Бочкарев Влас Вавилович — 24 коровы.

Видим, что три родных брата Бочкаревы вместе со своими семьями держали 76 голов (6% всего стада).

Из 130 семей деревни Верхний Уймон 104 семьи держали овец. Общее поголовье составляло 3265 животных. Шерсть овец свободно продавалась на рынке, баранина являлась отличным продуктом в семье и на рынке. Ценились также и шкуры овец. В основном семьи держали от 10 до 30 овец, но были и заметные исключения:

Иванов Ерофей Иванович — 150 овец;
Чернов Федот Леонович — 150 овец;

Атаманов Вахромей Семенович — 137 овец;
Бочкарев Анисим Михайлович — 110 овец;
Иванова Александра Ларионовна — 110 овец;
Атаманов Семен Конович — 108 овец.

Менее пяти овец в хозяйстве держали только пять семей, а 20% семей не держали их вообще. Еще меньше у верх-уймонцев было коз: только 22 семьи вместе держали 242 козы, при этом у Федота Леоновича Чернова было 30 коз и у Вахромея Семеновича Атаманова — 20 коз. Меньше всего в деревне Верхний Уймон держали свиней. Всего 33 семьи вместе выращивали 185 свиней. Пятнадцать семей (45%) держали по одной-две свиньи, но были и другие примеры:

Огнев Филимон Дмитриевич — 25 свиней;
Макаров Викул Киприянович — 15 свиней;
Агапов Василий Афанасьевич — 14 свиней;
Бочкарев Панаин Васильевич — 12 свиней;
Караваев Семен Лаврентьевич — 12 свиней.

В семье Семена Лаврентьевича Караваева (25 лет), например, в составе сельскохозяйственных было только четыре лошади и 12 свиней. Он записан в переписной анкете как «сборщик молока», но при этом два его брата Лука (28 лет) и Петр (17 лет) значатся «работниками», а брат Ульян (23 года) «членом семьи». Видимо, вместе с женой Семена Прасковьей (22 года) эта семья занималась переработкой молока в составе соответствующей артели. Отходы от переработки молока использовались при откорме свиней.

Семья Василия Тимофеевича Печенина (34 года) также имела «маслозавод» и нанимала двух рабочих, так как четыре дочери в возрасте от четырех до девяти лет не являлись помощниками в основном деле. Семья на отходах производства держала девять свиней. Не исключено, что эти две семьи были связаны в одном технологическом процессе сбора и переработки молока. Возможно, эти семьи специализировались на переработке молока, поэтому остальные верх-уймонцы почти не имели своих сепараторов.

В деревне Верхний Уймон среди 130 хозяйств выделялись и семьи-рекордсмены по размеру хозяйства. Самым крупным было то, во главе которого стоял 28-летний Федот Леонович Чернов. В этой семье вместе с ним жили 64-летние родители Чернова, его 26-летняя жена Екатерина, 27-летняя сестра и 19-летний брат. В хозяйстве содержали 376 сельскохозяйственных: 115 лошадей, 33 головы крупного рогатого скота, 150 овец, 30 коз и 48 маралов. Помимо членов семьи, за животными ухаживали три наемных работника. Ф.Л. Чернов по всем признакам был сельским пред-

принимателем, а вот его родной брат, 42-летний Иван Леонович Чернов, работал писарем и ямщиком, держал пять лошадей и 22 головы крупного рогатого скота и с хозяйством справлялся сам вместе с женой и двумя дочками.

Наум Иванович Бочкарев (38 лет) с женой и двумя сыновьями (семь лет и три года) держал 257 голов сельхозживотных, в том числе 25 маралов. Он тоже как предприниматель использовал труд двух постоянных работников.

Иван Вавилович Бочкарев в свои 48 лет был нетрудоспособным, но с женой и 16-летним сыном держал 249 голов, в том числе 96 лошадей. В его хозяйстве работали по найму «батрак и три пастуха».

Гурьян Ерофеевич Иванов (37 лет) с женой Анной (36 лет) и девятилетней дочерью имели в хозяйстве 220 голов скота, в том числе 95 овец. В семье жил 13-летний работник Азарий.

У 68-летнего Ерофея Ивановича Иванова и его 48-летней жены Аксины в семье проживали 18-летний сын Никита с женой и еще четверо детей от одного года до 14 лет. Все вместе они содержали 219 голов скота. Использовали наемный труд годовых, месячных и поденных работников. Наемный труд в этих и других семьях использовали, как правило, в случаях, когда не хватало рабочих рук в семье.

Очень известный верх-уймонец Вахромей Семенович Атаманов (48 лет) с женой Екатериной (45 лет) жили большой семьей с пятью сыновьями, двумя дочерьми, снохой и внучкой. В семье жил также 60-летний работник. Вместе они ухаживали за 241 головой скота.

Герасим Ермилович Ермолаев (66 лет) с женой и двумя взрослыми сыновьями (один из которых, Осип, был еще и кузнецом), снохой и семью внуками от года до 14 лет вместе держали 181 голову скота. На них работал 30-летний пастух и поденные работники.

Филипп Иванович Бочкарев (47 лет) с женой Татьяной (46 лет) и сыновьями Ермилой (15 лет), Трофимом (девять лет) и дочерью Феклой (семь лет) самостоятельно обслуживали 123 головы скота, в том числе семь маралов.

Александра Ларионовна Иванова (44 года) с пятью сыновьями от трех до 17 лет и шестилетней дочерью имели в хозяйстве 168 голов скота, в том числе 32 лошади и 110 овец. Она нанимала месячных и поденных работников и прибегала к «помочи» селян.

Ефимия Бочкарева в 74 года с сестрой Ириной (55 лет) вдвоем держали 18 лошадей и 10 коров. Конечно, они не могли обходиться без «сроковых» и поденных работников.

Заметную роль в сельском хозяйстве Верхнего Уймона играли женщины (табл. 5).

Таблица 5

Анализ домохозяйств, где хозяином являлась женщина

№ п/п	ФИО	Возраст, лет	Количество членов семьи, чел.			Поголовье скота, голов
			Всего	Мужчин	Женщин	
1.	Атаманова Ефросинья Павловна	30	2	0	2	6
2.	Атаманова Агафья Семеновна	53	1	0	1	5
3.	Блинова Евгения Панфиловна	56	2	1	1	14
4.	Блинова Ефимия Антропьевна	36	4	1	3	15
5.	Бочкарева Александра Ерофеевна	47	7	2	5	25
6.	Бочкарева Ефимия Леонтьевна	74	2	-	2	28
7.	Бочкарева Мария Васильевна	56	1	-	1	23
8.	Иванова Александра Ларионовна	44	7	5	2	168
9.	Огнева Аксинья Семеновна	60	3	1	2	2
10.	Огнева Татьяна Фокеевна	70	2	-	2	14
11.	Огнева Ульяна Григорьевна	37	8	4	4	50
12.	Огнева Февронья Епифановна	46	4	1	3	3
13.	Чернова Мавра Афанасьевна	45	5	3	2	10
14.	Чернова Шавра Афанасьевна	45	5	3	2	10

Большинство из них возглавили хозяйство после потери мужа, в том числе на полях Первой мировой войны. Как правило, в семьях вместе жили и работали родственники в двух и трех поколениях.

У главы хозяйства 28-летнего Филимона Дмитриевича Бочкарева вместе с женой Марфой (27 лет) жили 70-летний отец Дмитрий Кирьянович, 100-летний дед Кирьян, 50-летняя мать Екатерина, три родных сестры (11, 12 и 15 лет) и четверо детей от года до шести лет. Вместе они содержали 177 голов скота, в том числе 25 свиней. Использовали труд поденных и прибегали к «помочи».

У Федора Анисимовича Чернова в семье жили его 80-летние родители. Вместе с женой и шестью детьми от двух до 14 лет они ухаживали своими силами за 149 головами скота.

Яков Матвеевич Огнев (28 лет) с женой, 80-летними родителями и двумя малолетними дочерьми держал 84 головы скота. Нанимал поденных работников.

Влас Вавилович Бочкарев жил вдвоем с 13-летним сыном, содержал 172 головы скота и пасеку. Держал работника-киргиза. Кстати, пасеки в деревне были всего у нескольких человек.

Кроме этого, верх-уймонцы в 1917 году продолжали заниматься традиционным охотничьим промыслом, хотя с годами количество охотников заметно сократилось (табл. 6).

Таблица 6

Список охотников в деревне Верхний Уймон
по данным сельскохозяйственной переписи 1917 года

№ п/п	Фамилия	Возраст, лет	Количество скота в хозяйстве, гол.
1.	Агапов Калистрат Афанасьевич	47	29
2.	Агаманов Артамон Филиппович	60	66
3.	Бочкарев Платон Александрович	25	30
4.	Бочкарев Лев Маргимьянович	34	52
5.	Бочкарев Паплин Васильевич	48	51
6.	Бочкарев Александр Мелентьевич	55	51
7.	Бочкарев Артемий Васильевич	38	50
8.	Бочкарев Даниил Васильевич	33	28
9.	Кудрявцев Василий Иванович	66	2
10.	Макаров Фока Киприянович	31	32
11.	Огнев Тимофей Аверьянович	28	14

Два верх-уймонца Трефилий Александрович Бочкарев и Ананий Панфилович Макаров указали, что они занимаются рыбацким промыслом. У Анания, кроме жены, был только 14-летний сын. Для ведения хозяйства, в котором только лошадей была 21 голова, ему приходилось нанимать поденных работников.

В 1917 году деревня Верхний Уймон продолжала оставаться центром развития мараловодства в Уймонской долине (табл. 7).

Таблица 7

Список крестьян-мараловодов деревни Верхний Уймон в 1917 году

№ п/п	ФИО	Количество голов с/х животных в хозяйстве				
		Лошадей	КРС	Овец	Коз и свиней	Маралов
1.	Чернов Федот Леонович	115	33	150	48	48
2.	Бочкарев Киприан Ивойлович	18	21	50	-	30
3.	Бочкарев Наум Иванович	65	37	130	-	25

№ п/п	ФИО	Количество голов с/х животных в хозяйстве				
		Лошадей	КРС	Овец	Коз и свиней	Маралов
4.	Чернов Платон Егорович	28	32	60	12	15
5.	Атаманов Филипп Осипович	89	61	85	1	14
6.	Бочкарев Венедикт Иванович	13	20	45	-	12
7.	Бочкарев Андрей Иванович	36	25	94	2	10
8.	Чернов Федор Васильевич	28	24	15	4	10
9.	Черепанов Карп Федорович	30	23	74	6	9
10.	Мамонтов Савелий Антонович	27	31	30	1	3
11.	Черепанов Ивойла Федорович	35	51	40	-	2

В книге «У истоков пантового оленеводства России» я указал 14 мараловодов-верх-уймонцев, так как не заметил, что несколько переписных листов были контрольными, то есть заполненными до переписи, и они продублировали несколько фамилий, в том числе фамилии мараловодов. Настоящий список является уточненным, но не окончательным, так как некоторые могли и не показать своих маралов или занижить их численность.

Из таблицы видно, что все семьи, имевшие маралов, обладали очень крепким хозяйством, но особенно выделялось своими размерами и многопрофильностью хозяйство Федота Леоновича Чернова (28 лет), в семье которого жил еще 64-летний Леон Родионович Чернов. Его отец Родион вместе с братом Афанасием и завели первых маралов в деревне Верхний Уймон.

Второй по количеству маралов идет семья Киприяна Ивойловича Бочкарева, где еще жил 67-летний Ивойла Бочкарев, который уже в 1878 году имел трех маралов. В 1917 году у Киприяна было пять сыновей: Петру — 13 лет, Кресану — 11 лет, Парфену — девять лет, Ефиму — семь лет, Иосифу — шесть лет. Возможно, наследники семьи одного из первых уймонцев-мараловодов и сейчас живут в этом селе.

Количество маралов в хозяйствах деревни Верхний Уймон возросло с 83 в 1897 году до 154 в 1917 году. Это небольшой рост за 20 лет. Не появилось и ни одного очень крупного маральника. Видимо, стесненность условий для больших маральников, ухудшение условий жизни в годы Первой мировой войны сдерживали развитие этой подотрасли у верх-уймонцев.

Глава 3

МАРАЛОВОДСТВО ВЕРХ-УЙМОНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД. СЕРГЕЙ ИЛЬИЧ ОГНЕВ

Жители Горного Алтая узнали об отречении Николая II только в марте 1917 года. Повсеместно стали создаваться исполнительные комитеты для руководства административно-общественной жизнью в деревнях. Поддержав новую власть, крестьяне тем не менее стали требовать увеличения наделов за счет кабинетских земель, бесплатного орехового и охотничьего промыслов, разрешения рубки кабинетных лесов. Нарушения в этих сферах сельской жизни становились массовыми ввиду слабости и неопределенности власти. Захват земель, отказ от арендной платы, самовольство в лесах — все это стало обычным явлением, в том числе и для жителей Верхнего Уймона.

В ноябре 1917 года власть в стране захватили большевики. В Горном Алтае к июню 1918 года Советы как органы управления были созданы только в 10% селений огромной территории. В этих условиях в середине 1918 года началась кровопролитная Гражданская война. Белое движение на Алтае олицетворял адмирал Колчак, которому противостояло партизанское сопротивление крестьян.

И.Я. Третьяк пишет в своей книге «Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 году»: «В штаб партизанских отрядов осенью 1919 года из Уймона прибыл один из командиров уймонских отрядов — тов. Красков... Красков заявил, что уймонские повстанческие отряды потеряли связь со всем остальным повстанческим движением Горного Алтая. Прапорщик Кайгородов неистовствует и теснит уймонские повстанческие отряды — если им не придут на помощь, то в ближайшие дни они уже не в силах будут отражать наступление Кайгородова» [23, с. 70].

Партизанские полки встретились с уймонскими повстанцами 4 октября 1919 года в районе села Сугаш. И.Я. Третьяк понимал, что по своим природным условиям уймонский край являлся неприступным в военном отношении, и борьба за умы крестьян здесь велась очень взвешенно. Дивизия Третьяка, созданная на основе партизанских отрядов Черного Ануя, Чарыша и Уймона, к концу 1919 года достигла больших успехов в разгроме частей колчаковцев, часть из которых ушла в Монголию. Советская власть с начала 1920 года по сентябрь 1921 года держала в Горном Алтае значительные военные силы, а взаимоотношения с крестьянством реализовывала через политику военного коммунизма.

Уже в первую волну боевых действий 1918–1919 гг. часть верх-уймонцев поддержала белое движение, но основная масса крестьян заняла выжидательную позицию. Однако разверстки на молоко, сено, скот вызвали у крестьян общее недовольство, и в конце осени 1920 года жители Верхнего Уймона под

руководством красноармейца Орлова и местных Бочкаревых восстали против такой экономической политики. Недовольство с помощью военных быстро подавили, но спокойствие среди крестьян не наступило.

Хозяйственная деятельность крестьян Горного Алтая повсеместно приходила в упадок. Не стали исключением и мараловодческие хозяйства. П.М. Залесский писал об этом времени следующее: «Тяжелый удар промыслу нанесли колчаковщина и партизанская борьба. Алтай обезлюдел: молодежь и взрослое население ушли в партизанские отряды, другая часть осталась в стане белых. О маральниках некогда было думать. В этот период уход за животными почти прекратился; изгороди пришли в ветхость и в довершение всего перед мараловодами встал грозный призрак бескормицы, заставивший многих хозяев зарезать часть стада на мясо. Немало вреда мараловодству причинили волки, которые в 1919 — 1920 годах размножились до чрезвычайности и резали крестьянский скот на глазах у людей» [12].

По сведениям о мараловодах по волостям Горно-Алтайского уезда в 1920 году список мараловодов Верхнего Уймона выглядел следующим образом (табл. 8).

Таблица 8

Данные о мараловодах Верхнего Уймона в 1920 году [29]

№ п/п	Фамилия	Количество маралов
1.	Чернов Платин (Платон)	11
2.	Чернов Леонтий	26
3.	Чернов Федор	7
4.	Бочкарев Киприян	28
5.	Кудрявцев Виктор	7
6.	Черепанов Родион	7
7.	Атаманов Денис	11
8.	Бочкарев Кузьма	30
9.	Бочкарев Кузьма	25
10.	Бочкарев Кузьма	16
11.	Бочкарев Андрей	9
12.	Бочкарев Максим	7
13.	Мамонтов Савелий	4
14.	Бочкарев Василий	9
15.	Акашев	17
16.	Клепиков Фадей	5

Список мараловодов Верхнего Уймона в 1920 году, найденный в архиве, мне до конца не понятен. Почему, например, Бочкарев Кузьма упоминается три раза с разным количеством маралов? Возможно, это три разных человека с одинаковыми именами.

В перечне мараловодов 1920 года мы уже не видим крупнейшего мараловода 1917 года Федота Чернова, но появились новые фамилии: Акашев, Атаманов, Кудрявцев.

Мараловодство в Верхнем Уймоне в силу отдаленности расположения за рекой Катунь и настороженно нейтрального участия крестьян-старообрядцев в событиях 1918–1920 гг. пострадало мало. Учет маралов в Горном Алтае был проведен по приказу земельного отдела Алтайского губернского революционного комитета от 20.02.1920 года №23, который требовал от волостных ревкомов «тотчас же взять на учет все без исключения имеющиеся в волости маральники и загнать в маральники маралов, выпущенных из таковых». Волостным ревкомам дали указание контролировать сохранность маральников, а бесхозные маральники взять на свое содержание [6]. Более того, в апреле-мае 1920 года в Уймонской волости было проведено подробное обследование состояния маральников с выявлением их потребностей с целью дальнейшего развития [9].

1 сентября 1920 года коллегия земельного отдела рассмотрела вопрос «О постановке мараловодства в Горном Алтае» и решила для поддержания мараловодства начать поиск специалистов в этой области для их участия в развитии отрасли [7].

В марте 1921 года Горно-Алтайский областной земельный отдел составил «Смету снабжения мараловодов уезда солью для подкормки маралов», в которой вновь перечислил верх-уймонских мараловодов (табл. 9).

Таблица 9

Список мараловодов Верхнего Уймона в марте 1921 года [8]

№ п/п	Фамилия	Всего маралов	В том числе		
			самцов	самок	«молоди»
1.	Черепанов Карп	2	4	3	-
2.	Бочкарев Карп	28	12	10	6
3.	Чернов Федор	7	5	2	-
4.	Чернов Леонтий	26 (?)	17	2	-
5.	Атаманов А.	11	3	6	2
6.	Бочкарев К.	30	13	13	4
7.	Бочкарев К.	25 (?)	9	6	6
8.	Бочкарев Кон.	16 (?)	16	1	-

№ п/п	Фамилия	Всего маралов	В том числе		
			самцов	самок	«молоди»
9.	Бочкарев Анд.	9	3	6	-
10.	Бочкарев М.	7(?)	2	4	-
11.	Мамонтов С.	4	2	2	-
12.	Бочкарев Вас.	9	2	3	4

Данные таблицы архивные и невозможно установить, где составители допустили неточности.

Александр Кайгородов, уроженец села Абай, в ходе Гражданской войны увел остатки своих частей в Монголию и в начале 1921 года даже захватил у китайцев г. Кобдо. В феврале-марте 1922 года он вновь провалился на Алтай, в Уймонскую долину и только в апреле 1922 года был убит в бою командиром отряда ЧОН Иваном Долгих. Больше года верх-уймонцы жили под властью Кайгородова и в большинстве своем не хотели возвращения политики военного коммунизма. Весь 1923 год крестьянство Горного Алтая восстанавливало разрушенное войной сельское хозяйство. В определенной степени этому процессу способствовала новая экономическая политика государства, которое вынуждено было вместо продразверстки ввести продналог, допустило аренду земли и использование в ограниченных размерах наемного труда, свободу внутренней торговли и развитие кооперации. Все это дало, в том числе и уймонским крестьянам, определенную надежду на будущее.

Государство создало сеть учреждений «Сибгосторга», через которые стали активно скупать панты у мараловодов Алтая на коммерческих условиях. К работе в «Сибгосторге» на местах были привлечены известные алтайские мараловоды А.С. Попов, М.П. Ошлыков, Г.А. Варвинский и другие. Часть мараловодов во время Гражданской войны и после нее продавали панты контрабандой. Не были исключением и верх-уймонцы. В докладной записке 1930 года Ойротской областной РКИ «О состоянии мараловодства в Ойротии» отмечалось: «Часть пантов, несомненно, ушла контрабандой в Монголию. В Уймонском аймаке зарегистрирован случай провоза 50 пудов маральего рога контрабандой кулаком Черновым (впоследствии расстрелян)» [10]. Кто из мараловодов Черновых был расстрелян за контрабанду, установить не удалось. Возможно, это был Федот Леонович Чернов, который в списках мараловодов 1920 — 1921 годов уже не значился.

В середине 1920-х годов стало заметно проявляться резко отрицательное отношение новой власти к зажиточным крестьянам, в число которых попадали и верх-уймонские мараловоды. Они первыми лишались изби-

рательных прав, их ограничивали в земельных участках, им увеличили во много раз налоги на хозяйство и т.д. Мараловоды становились политическими и экономическими изгоями на селе. Конечно, отношения с властью обострились в целом у большинства состоятельных верх-уймонцев.

Вернемся, например, к семье В.С. Атаманова. В 1926 году Н.К. Рерих предпринял экспедицию на Алтай. По дороге он останавливался на ночлег: в Абае у известного мараловода П.Р. Романова, затем в Усть-Коксе в конторе «Сибгосторга» и, наконец, на две недели поселился в Верхнем Уймоне у Вахромея Семеновича Атаманова, которому было 57 лет. О хозяйстве Вахромея Семеновича мы уже знаем. В 1917 году он стоял во главе большой крепкой семьи, но к 1926 году его дети повзрослели (Прокопию — 35 лет, Кириллу — 27 лет, Василию — 26 лет, Трифону — 20 лет, Агафье — 24 года, Васе — 22 года) и жили своими семьями, только 16-летний Симон оставался в доме отца.

Н.К. Рерих был очарован лекарем-травником В.С. Атамановым и сделал его в своих книгах знаменитым на весь мир вместе с деревней Верхний Уймон. И этого тогда уже очень известного человека в 1929 году в возрасте 60 лет вместе с большой семьей раскулачили и сослали в Нарым, на север Томской области. Известно, что Вахромея Семенович умер в ссылке, скорее всего — от потрясений и переживаний. Младший сын Симон в 1935 году сбежал из Нарыма в родную деревню и там был расстрелян в 1937 году [15, с. 154].

О трагической судьбе третьего сына Вахромея Семеновича — Василия — известно больше. О нем писал в свое время директор Бийского краеведческого музея Б.Х. Кадиков в очерке «Семья Атамановых». Но главное — я хорошо знаком с Т.Г. Мальцевой, внучкой Василия Вахромеевича, которая, будучи профессиональным архивистом с огромным стажем, много расспрашивала свою маму об ее отце Василии, третьем сыне Атамановых.

Василий родился в 1900 году и к 1917 году вырос в активного парня с сильным характером и хорошей трудовой закалкой. Когда в разгар колчаковщины в Горном Алтае и в Уймонской долине стали появляться партизанские отряды (скорее всего, отряды самообороны), Василий оказался в одном из них. Однако после репрессий отряда П. Сухова в Катанде и введения продразверстки настроение населения изменилось — сельчане стали противниками новой власти. Василий вместе с братьями поддержал открытые выступления уймонцев против советской власти. После разгрома Кайгородова в 1922 году Василий Атаманов со своим отрядом еще какое-то время скрывался в горах, но затем осознал тупиковость ситуации и вместе с большей частью своих людей сдался советской власти, которая их помиловала. Думаю, что такое стало возможным только потому, что на их руках не было крови, то есть убийств и зверств против мирного населения.

Василий с семьей поселился в местечке Окол, между деревней Мульта и деревней Тихоньяка. Внучка его, Татьяна Геннадьевна, рассказывала мне со слов матери, что они успешно занимались животноводством, имели маслобойку и масло сдавали в Усть-Коксу, где была лавка кооперации. Василий мечтал создать свой маральник, огородил территорию под него и, может быть, даже успел приобрести несколько маралов, но раскулачивание 1929 года обрушило все планы этой трудолюбивой семьи.

В «Книге памяти жертв политических репрессий», изданной в Горно-Алтайске, он значится как арестованный в 1930 году крестьянин-единоличник, высланный за пределы Ойротии [15, 153]. Однако, по всем другим источникам, Василий сбежал во время раскулачивания, и в Нарым отправили «только» всю его семью. Он же вместе с несколькими земляками через Кош-Агач и Монголию сумел уйти в Маньчжурский Китай, где в то время уже были японские оккупационные войска. Там Василий вновь создал хозяйство. У него появилась семья, четверо детей. После разгрома японцев он получил 15 лет лагерей в Иркутской области на лесоповале. Там его в начале 60-х годов еще девочкой навещала Татьяна Геннадьевна Мальцева вместе со своей мамой. Б.Х. Кадиков пишет, что первую попытку вернуться в Верхний Уймон Василий Вахромеевич Атаманов предпринял уже больным в 1959 году, но его враждебно приняли земляки. К этому времени он три года как был амнистирован (в 1956 году). Примерно десять лет он продолжал жить на станции Вихоревка в Иркутской области, но в 1967 году после инсульта, частично парализованный вернулся на родину и скончался в Усть-Коксе в 1973 году.

Со слов родственников известно, что старший брат Василия Прокопий Вахромеевич был расстрелян в 1930-х годах, а братья Кирилл, Трифон и Симон расстреляны в 1937 году, хотя таких архивных данных мне пока найти не удалось. Так в 1930-е годы советская власть обошлась с большой семьей Вахромея Семеновича Атаманова. Так и не сбылась мечта Василия создать в Околе свой маральник.

В 1926–1928 годах в рамках развития коллективизации мараловоды попытались искусственно раздробить свои хозяйства по семейно-религиозному принципу на коллективные, но это им не помогло. В 1928 году в Горном Алтае началась массовая и фактически принудительная коллективизация сельского хозяйства. Одновременно с конца этого года организация «Сибкрайгосторг» начала массовую скупку маралов у частных. Также активно начали скупать маралов по 90–150 руб. за голову «Охотсоюз», «Сибживотноводсоюз», кредитные товарищества. Их представители предупреждали мараловодов, что если они не продадут своих оленей, то власть заберет их силой. Так это и произошло. Основная часть верх-уймонцев продала своих маралов в 1929 году, остальных оленей

в рамках коллективизации отобрали в 1930 году, а мараловодов — репрессировали.

Так, например, Ивойла Федорович Черепанов, бывший мараловод деревни Верхний Уймон, был расстрелян 22 ноября 1937 году в возрасте 66 лет. Наум Романович Бочкарев, бывший мараловод-верх-уймонец, 8 ноября 1932 года получил пять лет лагерей, а в 1937 году был расстрелян [15, с. 166].

Филипп Осипович Атаманов свои 80 лет в 1917 году имел 14 маралов. Его сын Денис Филиппович в 1920 году имел 20 маралов, а внук Тимофей Денисович Атаманов в феврале 1930 года получил 10 лет лагерей.

Верх-уймонец Савелий Мамонтов в 1921 году имел четырех маралов, а в 1930 году он со всей своей семьей, отцом Артемием Савельевичем 1858 года рождения и сыном Савелием Савельевичем 1922 года рождения, был раскулачен и выслан за пределы Ойротии [15, с. 168–169].

Их маралов частично скупил «Сибкрайгосторг», частично «национализировали» местные колхозы. Процесс коллективизации в Уймонском аймаке, по литературным данным, показателен на примере создания в 1930 году сельхозартели «Огни» в Огневском сельском совете. На первом заседании 30 марта 1930 года каждому домохозяйину артели оставили по 1,4 десятины земли личного огорода, по одной корове и одной овце на 6 человек. Одновременно решили: «Пчел до 5 колодок на семью не обобществлять, маралов обобществить всех» [24].

С появлением в Усть-Коксинском аймаке Нижне-Уймонского, Кайтанакского, Верх-Катунского и Абайского маралосовхозов в 1931 году начался новый этап развития мараловодства, но уже без участия жителей Верхнего Уймона.

По итогам коллективизации 1929–1930 годов в деревне Верхний Уймон был создан колхоз имени Кирова, который просуществовал до 1956 года. В колхозе занимались выращиванием скота: разведением лошадей, овец, КРС. В 1957 году в ходе реформы по укрупнению совхозов колхоз им. Кирова преобразовали в ферму Кайтанакского маралосовхоза, но уже в январе 1958 года передали в совхоз «Коксинский» с центральной усадьбой в селе Усть-Кокса.

Далее, в мае 1966 года на правой стороне Катуня был создан новый совхоз «Мультинский», в который вошли от других совхозов Гагарская, Верх-Уймонская, Тихоньская фермы и Мультинская ферма вместе с маральником. Центральная усадьба совхоза разместилась в селе Верхний Уймон. Кстати, мне не попались пока еще документы, на основании которых деревня Верхний Уймон стала называться селом Верх-Уймон.

Возглавил новый совхоз Дмитрий Ефимович Плетенецкий (1937–2017), который из рядового скотника вырос в сильного руководителя и управлял

хозяйством до 1971 года. В дальнейшем, по решению обкома КПСС, он «поднимал на ноги» другие хозяйства. С 1971 по 1974 год директором совхоза был Василий Тастаевич Майманов, его убрали за финансовые нарушения. С 1974 по 1986 год директорскую позицию занимал Юрий Иванович Золотарев (1939–1996), который затем перешел в совхоз «Карымский».

В 1987 году впервые директором совхоза стал не приезжий руководитель, а коренной верх-уймонец Сергей Ильич Огнев.

Сергей Ильич родом из старинной верх-уймонской старообрядческой семьи. Его прадеду Сосипатру Фокиевичу Огневу в 1917 году было 50 лет, а прабабушке Екатерине — 45 лет. Одной семьей вместе с ними жили сын Лука (20 лет) с женой Акулиной (20 лет), сыновья Михаил (15 лет), Трофим (11 лет), Ксиффон (7 лет), Филипп (4 года), дочери Матрена (23 года) и Капитолина (4 года). Хозяйство семья держала достаточно большое: 16 лошадей (13 рабочих), 27 голов крупного рогатого скота (15 коров), 30 овец и 10 свиней. На 8,6 десятинах пашни сеяли яровую пшеницу, яровую рожь, ячмень, овес и немного льна. Обрабатывали 6,5 десятин покоса и ставили 192 копны сена [29]. Для работы на земле имели плуг, пять железных борон, косилку, сноповязку, веялку и телегу на железном ходу. Работали много, дружно и жили в достатке. Маралов в хозяйстве не было. По словам одного из внуков, Сосипатр Фокиевич «гонял ямщину до Бийска, в том числе возил почту». Судьба старших детей мне не известна, но младший сын Филипп (1913–1942) занимался с отцом сельским хозяйством. В начале 1930 года женился на Хевронье Ивановне Ивановой (1912–1985), работал в Верхнем Уймоне на сырзаводе, в селе Усть-Кокса на стройке, возил грузы на лошадях в Бийск. В 1935 и 1941 годах в семье родились сыновья Илья и Андрей. В августе 1941 года Ф.С. Огнева забрали на фронт, где 19 декабря 1942 года в бою около деревни Погореловки под Ржевом он погиб, защищая свою большую и малую Родину. Старший сын Илья закончил среднюю школу, отслужил три года на дальневосточном острове Аскольд, затем в 1958 году женился на Марии Пименовне Атамановой. Илья Филиппович трудился разнорабочим, кладовщиком в совхозе «Коксинский», чабаном и мечтал об учебе. Институт закончил заочно (1966–1971) и стал дипломированным зоотехником-селекционером. В 1959 и 1961 годах в семье родились сын Сергей и дочь Антонина (1961–2016). Далее Илья Филиппович работал зоотехником, зоотехником-селекционером, главным зоотехником совхоза и на пенсию ушел с должности экономиста. Мария Пименовна после окончания Бийского педучилища все время проработала воспитателем в детском саду и сейчас уже на пенсии.

Сын Сергей рос энергичным ребенком, заводилой, но активно помогал родителям в домашнем хозяйстве. Косить, например, он начал

с 12 лет. После окончания средней школы Сергей самостоятельно выбрал профессию ветеринарного врача и закончил АСХИ в Барнауле. После четвертого курса летом работал в «Скотоимпорте» в Бийске, перегонял скот из Монголии на Алтай.

В 1981 году Сергей Ильич Огнев стал работать старшим ветврачом совхоза «Мультинский». Через год он уже исполнял обязанности главного зоотехника совхоза. С апреля 1985 по январь 1987 года он главный ветеринарный врач управления сельского хозяйства в Усть-Коксинском районе, а с 12 января 1987 года — директор «Совхоза имени 60-летия СССР» в своем родном селе.

Совхоз продолжал заниматься традиционными видами деятельности. Но в 1989 году директору стало ясно, что традиционное животноводство в результате перестроечных преобразований в стране не удержать на плаву, а спрос и цены на панты с открытием внешней торговли для хозяйств, наоборот, создают хорошую перспективу для развития мараловодства. Сергей Ильич предпринял большие усилия для реорганизации хозяйства. Первый маральник в Верх-Уймоне был построен в 1992 году, а в 1996 году открылись маральники в Гагарке и Тихонькой. В настоящее время в четырех маральниках на правом берегу Катуня содержится 2995 оленей, в том числе в «Верх-Уймонском» — 1277, «Мультинском» — 593, «Тихоньском» — 583, «Гагарском» — 542. За успехи в работе С.И. Огнев получил в 1996 году звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации». В 2006 году Сергей Ильич был назначен министром сельского хозяйства Республики Алтай, затем в качестве заместителя председателя Правительства Тувы он восстановил мараловодство в этой республике и сейчас возглавляет крупнейшее мараловодческое хозяйство Алтайского края в селе Сентелек Чарышского района.

Дело отца по развитию мараловодства в Уймонской долине теперь продолжает вместе со своими коллегами Алексей Сергеевич Огнев, младший сын С.И. Огнева. Кстати, маральник «Тихоньский» расположен в той же местности, где его стремился создать Василий Вахромеевич Атаманов. Наверно, есть в этом историческая справедливость.

Глава 4

УЙМОНСКИЙ МАРАЛОВОД АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ НИЧКОВ

Стремясь полноценно раскрыть личность любого мараловода Алтая, я стараюсь вначале проникнуть к его корням. Мне особенно волнительно разыскивать у современных мараловодов их дореволюционные корни. Это не всегда, но получается.

Предки Александра Егоровича Ничкова проживали в старинном селе Горного Алтая Нижнем Уймоне, основанном, по архивным данным, в 1826 году крестьянами Каинского округа Томской губернии. Краевед Т.Г. Мальцева сообщает, что первоначальными основателями села стали восемь семей Ошлыковых, Коноваловых, Змановских. В работе «Горный Алтай и его население», опубликованной ученым-статистиком С.П. Швецовым в 1900 году, уточняется, что это были Яков, Тимофей, Сергей, Александр и Никифор Ошлыковы [11].

В середине XIX века жители Верхнего Уймона Черновы и Нижнего Уймона Ошлыковы переняли у старообрядцев Бухтармы новый вид деятельности — разведение маралов. Позднее они оспаривали первенство в разведении маралов между собой. В 1917 году в Нижнем Уймоне было шесть мараловодов, из которых четверо — Ошлыковы. Вместе с ними маралов имели Петр Логинович Ленский (восемь оленей) и Егор Афанасьевич Ничков (семь оленей) [27]. Трагическую судьбу М.П. Ошлыкова я описал в книге «Пантовое оленеводство Алтая после 1917 года». Здесь же отмечено, что в 1937 году расстрелян и мараловод П.Л. Ленский [25, с. 109]. Судьба мараловода Егора Афанасьевича Ничкова мне пока не известна.

В 1917 году в Нижнем Уймоне жила еще одна семья Ничковых: 37-летний Николай Вахромеевич и 31-летняя Маланья Леонтьевна Ничкова с восьмилетним сыном Максимом. Николай Вахромеевич в переписи значился старожилом, выделился в отдельную семью в 1902 году. Семья имела два душевых надела земли: 3,5 десятины посевов (овес, яровая пшеница и яровая рожь), 5 десятин залежной и 5,5 десятин естественных покосов. В хозяйстве держали шесть рабочих лошадей, 13 голов крупного рогатого скота, в том числе шесть коров, но маралов не было. Николай Вахромеевич с 1915 года состоял в Катандинском кредитном товариществе, нанимал поденных и сдельных работников, а из сельхозинвентаря имел плуг, борону, веялку и телегу на деревянном ходу [2]. По меркам Уймонской долины, в 1917 году эта относительно молодая семья владела хозяйством среднего уровня.

Николай Вахромеевич удался ростом — 190 см, этот рыжий крупный мужчина обладал огромной силой — мог поднять лошадь. Вместе с женой они воспитали восемь детей. Старшие сыновья Максим Николаевич и Иван Николаевич погибли в 1941 и 1943 годах на фронтах Великой Отечествен-

ной войны. В 1943 году в 57-летнем возрасте умерла Маланья Леонтьевна, а в 1957 году скончался 77-летний Николай Вахромеевич. Вот так завершился жизненный путь старших Ничковых, но род не прервался.

Еще в 1934 году у Ничковых родился в селе Мульта последний сын, «заскребыш» Егор Николаевич. Всю жизнь он проработал трактористом, животноводом, конюхом в «Нижне-Уймонском» и «Мультинском» совхозах. В 1950 году женился на Татьяне Амосовне Ленской, которая трудилась телятницей и затем 20 лет была пекарем в совхозе. Вместе вырастили они трех сыновей и дочь.

Старший сын Александр Ничков родился в Мульте 29 октября 1957 года. Рос он заводным, но работающим мальчишкой: с первого класса уже «копновозил» и много помогал по хозяйству. С восьмого класса Александр, наряду со взрослыми, участвовал в покосе и скашивал до одного гектара за смену.

Рано увидел мультинских парковых маралов и восхитился красотой и силой этих особей. Интересы к технике у него с детства не наблюдались, а вот животных Александр любит, сколько себя помнит.

Шурке Ничкову (так зовет его мама до сих пор) было девять лет, когда в мае 1966 года был организован новый мясомолочный совхоз «Мультинский» на базе Гагарской фермы маралосовхоза «Кайтанакский», Тихоньской и Верх-Уймонской ферм совхоза «Коксинский» и Мультинской фермы маралосовхоза «Нижне-Уймонский».

Вместе с Мультинской фермой совхозу достался и один из старейших в районе маральников, созданный в свой время Пелеем Ошлыковым.

Отец Александра Ничкова ничем особенно, кроме работы и домашнего хозяйства, не увлекался, и Шурка многому учился у родного дядьки. Например, уже после четвертого класса он все лето помогал ему на пасеке и знакомился с азами пчеловодства. Этот же дядька с 10 лет начал приобщать Сашу и к охоте: брал в загон на косулю, в 13 лет ему доверили ружье, а уже в 10-м классе мама купила ему двустволку. Александр Егорович вспоминает теперь, что в 1970-е годы «косули и маралья было — страсть божья». Первого медведя он убил, соскочив с молодого коня. Первой пулей угодила медведице в грудь, и она со страшным ревом бросилась на них. Он едва вскочил на коня и в последний момент, за секунды до того, как медведица налетела на лошадь, убил зверя вторым выстрелом.

Александр Егорович на всю жизнь остался заядлым охотником. Медведей, говорит он, удалось взять 15 или 16, волка одного, а рыси, например, ни одной. Соболей добывал по 10 за сезон, а белку, лисицу, барсука или копытных никогда не считал. В 1998 году в азарте «полез на лесину за двумя застрявшими белками, да упал так, что потроха отшиб». От удара отнялись ноги и пропал голос. Выручили мужики, которые слышали выстрел. Лопнувшие поясничные мышцы срастались месяц. И все-таки

охота и рыбалка остаются страстью свободного времени Александра Егоровича, которого у него всегда было мало.

По окончании школы в 1974 году он поехал поступать в Павловский ветеринарный техникум, что недалеко от Барнаула, но там ему сказали: «У вас есть свой техникум». В него он уже не успел.

Первый год его трудовой деятельности в 1974 году начался по комсомольской путевке на Мультинской ферме. Затем были три года службы во Владивостоке на корабле разведки. После службы во флоте он еще три года отработал охотником и в 1979 году поступил в Горно-Алтайский зооветтехникум, который с отличием закончил в 1981 году. Во время учебы много и успешно занимался лыжами и биатлоном. В родной совхоз вернулся уже женатым человеком. Молодого веттехника директор совхоза Юрий Иванович Золотарев направил исполнять обязанности одновременно веттехника и ветсанитара в Уймонской ферме совхоза. В «ветеринарное ведение» Александра Егоровича попал дойный гурт из 60 коров, три гурта молодняка по 180 голов, три отары овец по 650 голов и более 300 лошадей. Через два года А.Е. Ничков стал старшим ветврачом, а с 1986 по 1991 год работал главным ветврачом совхоза.

Директор совхоза Юрий Иванович Золотарев (1939–1996) сам начинал трудовую деятельность рядовым водителем, заочно закончил АСХИ по специальности «бухгалтерский учет», с 1974 по 1986 год руководил этим хозяйством, был человеком требовательным, обладал глубоким умом, людей уважал и хорошо разбирался в них. Он и разглядел в А.Е. Ничкове человека с большим потенциалом для совхоза.

На этом месте можно, наконец, еще раз вернуться к историческим корням Александра Егоровича. В начале августа 2018 года я приехал в Мулту, чтобы познакомиться с его мамой — Татьяной Амосовной Ничковой. Она оказалась доброй и открытой к разговору, обладающей хорошей памятью. В девичестве Татьяна Амосовна носила фамилию Ленская. Отец ее, Амос Петрович Ленский 1897 года рождения, был третьим сыном Петра Логиновича Ленского, который в 1917 году в возрасте 52 лет стоял во главе семейства из 16 человек. Семья имела 74 лошади, 61 голову крупного рогатого скота, 48 овец, 6 свиней и 8 маралов. Во владении у семьи было пять душевых наделов земли: 42,5 десятины пашни, 15 десятин естественных сенокосов. Еще 25 десятин пашни арендовали у частных лиц. В работе использовали плуг, семь железных борон, косилку, конные грабли, жнейку-самосброску, веялку, три телеги. Еще был сепаратор для переработки молока. Трудовую основу семьи составлял Петр Логинович с женой, шестью сыновьями и двумя снохами [1].

В конце июля 1937 года Усть-Коксинским райотделом НКВД была «вскрыта контрреволюционная организация» в селе Нижний Уймон и арестованы шесть жителей села — все старообрядцы, бывшие кулаки, лишен-

ные избирательных прав в начале 1930-х годов. Главным организатором группировки якобы стал 74-летний Петр Логинович Ленский, ранее судимый за контрреволюционную деятельность и после отбытия срока наказания в Сиблаге вернувшийся в село Нижний Уймон. Членами этой контрреволюционной организации также были: братья Михаил Иванович и Василий Иванович Железновы, оба бывшие кержацкие священники, Иван Андреевич Утятников, Федор Иванович Ошлыков, Алексей Ефимович Санаров и Алексей Федотович Бурматов. Согласно обвинительному заключению, члены организации «в целях восстановления населения против существующего строя и развала колхозов систематически проводили контрреволюционную агитацию, распространяли клевету на вождей партии и правительства и высказывали террористические взгляды», уговаривали единоличников «не сдавать хлеб государству» и т.д. Все шестеро 8 сентября 1937 года были приговорены тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю к высшей мере наказания и 21 сентября расстреляны [24, с. 66–68].

Таким образом, по линии матери Александр Егорович имеет отношение к известной на Алтае в 1917 году семье мараловода П.Л. Ленского, своего прадеда. Думаю, что это станет приятным открытием не только для меня, но и для большой семьи Ничковых, которые далеко не все знали о своих предках.

За годы работы главным ветеринарным врачом «Совхоза имени 60-летия СССР» Александр Егорович, конечно, уже неплохо знал маралов: он изучал работу мультинской бригады мараловодов, участвовал лично в прививках, помогал молодому ученому В.Г. Луницыну в исследованиях проблемы туберкулеза в маральниках. Однажды во время прививочной кампании на Мультинском маральнике маралуха передними копытами свернула А.Е. Ничкову нос. От удара копытом он потерял сознание и, если бы не шапка, по которой пришелся удар, то еще неизвестно, чем бы дело кончилось.

«Совхоз имени 60-летия СССР» с начала 1987 года возглавлял Сергей Ильич Огнев. К началу 1990-х годов он твердо решил, что изменившиеся условия жизни обязывают его как можно быстрее перестать заниматься убыточным молочным животноводством и приступить к созданию на каждой ферме маральников. Строить сразу три маральника в условиях безденежья — затея авантюрная, но Сергей Ильич в этой ситуации нашел выход: он привлек партнеров, у которых были деньги. Так появилось малое предприятие «Орфей», созданное для строительства маральника около села Верх-Уймон. С.И. Огнев рассказывал мне, что Александр Егорович Ничков сам предложил ему свою кандидатуру на место бригадира мараловодов. Он мечтал работать с маралами. С 29 января 1992 года началась и вот уже 28 лет продолжается трудовая жизнь бригадира мараловодов А.Е. Ничкова в ООО «Верхний Уймон».

В 35 лет Александру Егоровичу вновь пришлось учиться. Опыт работы он перенимал у знаменитого бригадира из Карагая, Героя Социалисти-

ческого Труда Петра Фатеевича Попова. Помогал Александру Егоровичу и известный бригадир из Талдинского маральника Николай Гаврилович Асасыров. Зная А.Е. Ничкова уже 25 лет, я должен отметить его способность и стремление к самообразованию. На рабочем месте в маральнике у него развешана специальная литература. Маральник часто посещают известные гости, здесь иногда проводятся семинары.

Теперь это племенной маральник, качество продукции которого давно знают в Южной Корее, но начиналось все в 1992 году с 80 голов молодняка из Мультинского маральника. Несколько лет животных приобретали в разных маральниках и лучших животных, конечно, никто не отдавал. Развитие маральника проходило быстрыми темпами, и к 2010 году он стал одним из лучших в Республике Алтай (табл. 10).

Таблица 10

Показатели развития маральника ООО «Верхний Уймон» в 1992–2010 гг.

Год	Всего маралов	Рогачи	Перворожки	Нарезано сы- рых пантов, кг	На рогача, кг	На перво- рожка, кг	Всего маралух	Получено маралят	% на 100 маралух	Продано маралов в другие хозяйства
1992	81	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1993	106	-	30	77,4	-	2,5	-	-	-	-
1994	145	48	12	275,0	5,0	2,7	38	24	62	-
1995	236	58	1	333,7	5,5	1,9	73	49	67	-
1996	399	65	41	517,1	5,8	2,7	147	103	70	-
1997	560	117	58	773,6	4,8	2,5	174	79	45	-
1998	647	158	85	906,4	4,5	1,6	259	159	62	7
1999	745	223	33	1172,4	5,0	1,8	289	174	60	74
2000	788	221	59	1395,0	5,7	1,8	295	220	75	131
2001	825	244	52	1556,9	6,0	1,9	331	200	60	75
2002	888	283	81	1918,4	6,2	1,9	342	257	75	87
2003	956	326	70	2291,0	6,5	2,3	336	243	72	108
2004	1023	368	88	2573,8	6,5	2,2	339	214	63	52
2005	1097	428	80	2945,3	6,5	2,2	343	251	73	79
2006	1154	457	83	3219,8	6,7	2,2	346	260	75	121
2007	1219	493	75	3614,2	7,0	2,1	365	238	65	63
2008	1274	534	106	4145,1	7,4	1,9	385	302	78	205
2009	1285	560	79	4127,8	7,1	2,0	382	214	55	84
2010	1337	566	84	4194,6	7,1	2,3	393	284	72	100

Показатели в таблице убедительно говорят о постоянной и напряженной работе бригады в маральнике. Рядом с Александром Егоровичем Ничковым в разные годы активно трудились Андрей Федорович Бочкарев, Савелий Прокопьевич Ленский, Николай Прокопьевич Ленский, Иван Васильевич Макаров. Понятно, что такая большая работа требует коллективных усилий, но роль бригадира в ежедневном управлении процессом производства является ключевой.

А.П. Попов, руководитель маралохозяйства ЗАО «Фирма Курдюм», в свое время в разговоре со мной назвал А.Е. Ничкова одним из лучших бригадиров в отрасли, так как хорошо знает, что маральник существует не в самых лучших геоклиматических условиях и создавался поневоле на слабых маралах. Бригаде А.Е. Ничкова тем не менее удалось создать стадо рогачей, отвечающее современным требованиям (табл. 11).

Таблица 11

Классность маралов-рогачей в маральнике ООО «Верхний Уймон»
по итогам срезки и бонитировки в 1995–2008 гг.

Год рождения	Элита	I класс	II класс	III класс	Итого
1995	7	3	4		14
1996	3	7	5		15
1997	3	4	3		10
1998	6	7	4		17
1999	8	11	4		23
2000	11	20	9	1	41
2001	29	12	5	1	46
2002	32	20	11	1	63
2003	29	20	9		59
2004	23	38	5		67
2005	25	29	4		58
2006	15	37	29	3	84
2007	14	21	33	1	69
2008	23	38	21	2	84
Итого	228	270	143	9	650
%	35,1	41,5	22	1,4	

За этими цифрами стоит многолетний активный труд всех мараловодов и механизаторов хозяйства. Многие годы, например, первым по-

мощником в бригаде у А.Е. Ничкова был Андрей Федорович Бочкарев, который отработал в маральнике с момента его создания 20 лет. Он рассказывал мне, что самыми трудными были 1997–1999 годы. Зарплату выдавали нерегулярно. Трудились на одном энтузиазме и понимании, что делают важное дело. Трудности и рискованность работы не пугали мараловодов. У А.Ф. Бочкарева, например, четыре раза за годы работы были сломаны ребра, один раз ломал ногу и даже кость таза, но он ни о чем не жалеет. У Андрея Федоровича всегда на первом месте была работа, а на остальное времени не оставалось. «Маралы снимают стресс, — говорил он, — легче становится от общения с животными». Был случай, когда Андрей Федорович забрал к себе домой на выхаживание «поздыша» (августовского) мараленка Гошу. Поил молоком, подкармливал поджаренным овсом, держал всю зиму в тепле. Этот Гоша, который вначале мог есть, только стоя на подтяжках, к весне превратился в боевого марала, лихо скачущего через заборы. Весной его вернули в маральник.

Неуместно как-то даже было задавать вопрос А.Ф. Бочкареву: любил ли он маралов, когда работал с ними. Он говорит, что 7–10 маралов знал «в лицо», а А.Е. Ничков знает «в лицо» большинство рогачей в стаде, то есть сотни быков. А.Ф. Бочкарев называет А.Е. Ничкова отличным мужиком, работать с которым было нетрудно. По словам Андрея Федоровича, А.Е. Ничков вместе с другими делал всю работу в бригаде: участвовал в гоне и разбивке маралов, в консервации пантов и кормлении животных. Помимо этого, он лично проводил все прививочные кампании, вел подробный учет животных и анализ их продуктивности. Тщательно следил за качеством консервации и готовностью пантов.

В 2008 году журналист газеты «Звезда Алтая» Ж.И. Иродова так описывала работу бригады А.Е. Ничкова: «Жаром и запахом сырой крови обдало из открывшейся двери. Из нее в фойе вышел бригадир. Повозмущавшись, подоброму, с улыбкой, что в очередной раз ему предстоит рассказывать «одно и то же», направился в другую дверь. В середине комнаты — печка, нагружена перерабатывающая древесное топливо. На градуснике — 65 градусов. обстоятельно осмотрев небольшие первой срезки рога, висящие здесь на просушке, обошел еще три таких жаровых. Температура в них была чуть повыше — 75–80 градусов по Цельсию. Соответственно, рога здесь были «поболее» и висели они уже не макушкой, а комлями вверх, чтобы не сгорели.

— Шесть часов на просушке, затем парочку-другую деньков на проветривании, потом опять сюда и так до тех пор, пока остаток влаги не составит 37,8 %.

— А как вы их определяете, проценты?

И тут Александр Егорович «прощупал» корень рога губами, как мать проверяет лоб ребенка, когда тот затемпературил, затем понюхал.

— Все наши люди умеют, думаю, — и градусы определять, и проценты. Губы у них чувствительные, а уж про нюх говорить нечего: снабжен процентным барометром. Пойдемте, покажу, какие шоколадки должны получиться. Наш народ еще и с богатым воображением. Шоколадки — это поперечные срезы высушенного панта. На что похоже?

Тут уж я свою фантазию включаю: на спил дерева, только вместо коры — мех, а цвет и запах ... ну, вяленого мяса. Основная-то часть пористая, здесь нервных окончаний нет, а вот когда шкурку режут — маралу больно. К боли приучают «сызмальства», со второго года жизни. Бывает, что 3–4 кг весит пант первой срезки, а в среднем — 1,5–2 кг, если ниже, то не суждено ему стать взрослым — идет на мясо. На пятый-шестой год племенной бык дает уже свыше 10 кг пантов, а дальше — больше. Так до 15 лет. Рекордом для бригады Ничкова считается пант весом 17 кг 200 г. Маралух держат до 17 лет, телиться они начинают с четырех. Сейчас в ООО «Верхний Уймон» поголовье составляет 1270 животных. Из них 647 рогачей, самок — 400. Остальное — малыши. Когда им исполнится год, их осмотрит бригадир, замерит рожью шпильку, в среде мараловодов больше известную как «тычка». Если ее высота ниже 21 см, бычка относят к третьему классу и выбраковывают, если до 30 см — это второй класс, до 50 — уже первый. Элитным считается тот молодой, у которого шпилька 51 см и выше. Бывает, что с годами бычки первого класса и даже второго становятся элитными, а бывает и наоборот. Так или иначе, а по результатам прошлого года вышло, что от общего числа поголовья маральника элитное стадо составило 39,9%, 36,6% и 22,6% соответственно первый и второй классы. Получается, что на выбраковку даже и двух процентов нет. Это очень хорошие показатели» [13].

Был год, когда часть уймонских пантов продавали через Карагайский маральник корейцам, и панты у А.Е. Ничкова и А.Ф. Бочкарева принимал сам Герой Социалистического Труда, бригадир мараловодов П.Ф. Попов. Говорят, что он с удивлением обнаружил отличное качество уймонских пантов, приглашал А.Е. Ничкова на беседу и расспрашивал о тонкостях консервации. П.Ф. Попов считал, что директору С.И. Огневу повезло с бригадиром мараловодов А.Е. Ничковым. Я тоже считаю, что А.Е. Ничкову и С.И. Огневу повезло друг с другом: они очень хорошо взаимодействовали и взаимодополняли друг друга много лет.

Когда мы в 1996–1997 годах при поддержке директора С.И. Огнева внедряли технологию забора донорской крови сначала у самцов, а затем у самок маралов, то осторожный А.Е. Ничков согласился на этот эксперимент именно ради поддержки Сергея Ильича, которому не мог отказать. Он добросовестно взялся за новое дело, и благодаря этим людям в России появился новый способ переработки пантового сыра.

В июле 2009 года газета «Звезда Алтая» писала о А.Е. Ничкове: «Знающие люди отзываются о нем как об очень грамотном, опытном руководителе, владеющем передовым опытом и современными технологиями консервации пантов. Даже корейские партнеры отмечают высокое качество продукции. Огромная в этом заслуга А.Е. Ничкова. Коллеги, узнав о том, что имя Александра Егоровича занесено на республиканскую Доску почета, не удивились. Кому, как ни ему, занять там место? Активный, ответственный. Про таких говорят — «горит на работе». В коллективе Ничков уделяет большое значение повышению уровня профессионального мастерства молодых мараловодов, организует шефство опытных работников над новичками. Являясь ветеринарным врачом маральника, он сам проводит все санитарно-ветеринарные мероприятия. Надо ли говорить о том, как это сложно, ответственно работать с такими благородными животными, как маралы? Немало баек сложено об их своенравии. С одной стороны, они пугливы, с другой — вспыльчивы и агрессивны. Людям, работающим с ними в тесном контакте, приходится учиться чувствовать этих животных. Содержатся маралы в условиях, приближенных к естественным, на больших огороженных территориях. Это в каком-то смысле усложняет работу ветеринара. Но знания и многолетний опыт служат для Александра Егоровича добрую службу. Совместно с директором Всероссийского научно-исследовательского института пантового оленеводства Василием Герасимовичем Луницыным А.Е. Ничков принимал активное участие в разработке мер борьбы с туберкулезом маралов. Практический опыт его работы в этой области обобщен и опубликован в книге «Справочник для мараловодов и оленеводов» [13].

Спустя 20 лет после образования маральник в ООО «Верхний Уймон» стал основным производством этого предприятия. Главный актив — земля — насчитывал уже почти 4,7 тыс. га, в том числе сельхозугодий — 1,263 тыс. га; пашни — 528 га; сенокосов — 150 га; пастбищ — 580 га; лесных массивов — 2799 га; древесно-кустарниковых растений — 533 га; других — 80 га. Среднегодовая численность сотрудников предприятия в 2012 году составляла 66 человек. В сельхозпроизводстве были заняты 57 человек, в том числе 11 мараловодов. Производственный процесс обеспечивали 13 служащих. В хозяйстве на балансе находилось 2065 сельхозживотных, в том числе 478 овец, 169 лошадей (44 рабочих), 60 голов крупного рогатого скота и 1358 маралов. Наблюдалось снижение поголовья овец (на 41 голову), лошадей (на 40 голов). Появилось новое направление: крупный рогатый скот мясного направления. Стабильно росло поголовье маралов (рост на 25 голов).

Структура стада маральника выглядела так: рогачи — 581, маралухи — 400, перворожки — 101, маралушки — 103, телята — 173. Рогачи составляли

около 43% всего стада маралов. На доходах от продажи пантов развивалось ООО «Верхний Уймон», в том числе покрывались убытки от овцеводства, коневодства, пчеловодства, пекарни и магазина. Александр Егорович еще раньше говорил журналистам: «Большинство было против создания маральника, так как не верили в успех, а мы поддержали предложение С.И. Огнева. Идут годы, и они показали, что решение это было правильным. Маральник создали, он развивается. Именно он уберег село от развала. Школа, детский сад действуют. Тракторной бригаде работу обеспечили, возобновили овцеводство, коневодство, сейчас вот племенной крупнорогатый скот мясного направления прикупили. Живет село. На ногах хозяйство. А начиналось все с колышка да с 80 мультинских маралят. С мизера начали и племенную работу. С большой благодарностью вспоминаю талдинских и карагайских мараловодов, что поделились племенными бычками, чья кровь теперь в выведенной в районе породе — коксинской. Эти же хозяйства дали племя и Онгудайскому району. Теперь уже и Верх-Уймонский маральник является племенным хозяйством республики. А еще он и мини-завод по консервации пантов. С пяти маральников сюда поступает нарезь: своего, Гагарского, Тихонького, Мультинского и Катандинского».

А.Е. Ничков являлся одним из учредителей ООО «Верхний Уймон» с небольшой долей вклада, но трудовой его вклад был гораздо весомее (табл. 12).

Таблица 12

Поощрения А.Е. Ничкова за успехи в работе

№ п/п	Вид поощрения	Год
1.	Почетная грамота Министерства сельского хозяйства Республики Алтай	2000
2.	Диплом «Лучший по профессии»	2000
3.	Почетная грамота Министерства сельского хозяйства Российской Федерации	2005
4.	Почетная грамота Государственного собрания — Эл Курултай Республики Алтай	2007
5.	Благодарность и знак «За заслуги перед Республикой Алтай», занесение на Доску Почета Республики Алтай	2009
6.	Орден Дружбы	2012

Всего в трудовую книжку Александра Егоровича записано 22 вида поощрений и наград, но награждение его Орденом Дружбы является событием особой важности. А.Е. Ничков стал мараловодом в начале 1990-х,

когда пантовое оленеводство активно возвращалось в частную собственность. С этого времени мараловодов перестали награждать высокими наградами Российской Федерации. Нарушил эту «традицию» С.И. Огнев, который к этому времени уже семь лет работал министром сельского хозяйства Республики Алтай. Он-то и взял на себя инициативу награждения уже известного на Алтае бригадира-мараловода. Основанием для награждения таким орденом являются, в том числе заслуги популяризации культурно-исторического наследия России в мире. Я, безусловно, согласен с тем, что развитие пантового оленеводства на Алтае в условиях естественной среды обитания — это сохранение и развитие культурно-исторического наследия народного хозяйства России. Все, кто знает А.Е. Ничкова по работе, считают его награждение абсолютно заслуженным.

Награждение проходило 26 декабря 2012 года в Кремле. Александр Егорович сохранил в памяти великолепии кремлевских залов, торжественность церемонии. В ответном слове он поблагодарил Президента России В.В. Путина и пригласил его к себе в гости в маральник. Когда я просил Александра Егоровича рассказать о том, что он испытывал во время вручения награды, то слышал в ответ, что это заслуга С.И. Огнева. Он охотно рассказывал о членах бригады, их «многофункциональности», профессионализме и отличном отношении к работе. Особенно отмечал заслуги своего товарища и надежного помощника А.Ф. Бочкарева, с которым вместе создавали маральник с первого дня.

Андрей Федорович, в прошлом классный механизатор, мастер на все руки, и все годы оставался незаменимым, например, в вопросах механизации производства. Совершенно заслуженно, по словам бригадира, А.Ф. Бочкарев награжден золотой медалью Минсельхоза России за вклад в развитие агропромышленного комплекса страны.

Разговаривая с Александром Егоровичем Ничковым и Андреем Федоровичем Бочкаревым, обращаешь внимание на то, как они гордятся друг другом. С большим удовольствием Александр Егорович рассказывает о своих коллегах, мараловодах Ленских, которых было в разное время в бригаде четверо: Савелий, Николай, Валерий и Григорий. Валерий Финогенович, кроме ухода за маралами, еще успешно занимался столярными делами. Бригадир говорит, что Валерий и сварщик Юрий Огнев были заглавными при строительстве новой трехэтажной сушилки.

В сентябре 2018 года я долго «разговаривал» о работе в бригаде немногословного Григория Степановича Ленского, которого в мараловоды «сосватал» в 1996 году А.Ф. Бочкарев. Сейчас Григорий Степанович — мараловод с 22-летним стажем, а начинать, по его словам, было трудно — все делали вручную. Панты варить его учил Александр Егорович. Г.С. Ленский говорит, что им повезло с бригадиром: ко всем он относится одинаково,

нет у него превосходства над людьми. В бригаде девять человек, но Александр Егорович самую ответственную работу успеваает делать сам. Этим летом конь сломал бригадиру ногу, так он норовил в гипсе появляться на работе, пока самочувствие не стало хуже. Очень важно, что бригада без своего вожака не растерялась, не расслабилась и как всегда организованно провела срезку и консервацию пантов.

Кстати, А.Е. Ничков, как и многие мараловоды, постоянно испытывает на себе всю рискованность избранной профессии. Крепко пострадал он в 2007 году. Проверенный конь неожиданно понес так, что Александр Егорович вылетел из седла, но нога осталась в стремени. Волочился за конем, получил копытом удар в голову, потерял сознание, оказался в больнице в очень тяжелом состоянии. Я тогда очень переживал за него и просто по-человечески, и потому, что наше производство без него могло застопориться. Подарил им с женой путевки в санаторий — говорят, это им обоим очень помогло.

В 2014 году в ООО «Верхний Уймон» постоянно трудились 66 человек, в том числе 57 в сельском хозяйстве: 20 трактористов, 11 мараловодов, один пчеловод, три чабана, два скотника, три табунщика. Выручка по предприятию за год возросла на 69% и достигла 24 065 тыс. руб. От продажи товаров и услуг получено 20 228 тыс. руб. За продажу пантов из маральника выручено 14 846 тыс. руб. (73% от общей выручки). При этом все остальные подотрасли на предприятии оказались убыточными: овцы (убыток 683 тыс. руб.), мельница (убыток 260 тыс. руб.), пекарня (убыток 112 тыс. руб.), магазин (убыток 101 тыс. руб.), турбаза (убыток 92 тыс. руб.), пчелы (убыток 45 тыс. руб.). Убыточными пока оставались разведение крупного рогатого скота (убыток 476 тыс. руб.) и коневодство. Помимо этого, за счет доходов Верх-Уймонского маральника держались на плаву Мультигинский и Тихоньский маральники. На собрании учредителей после долгих споров было решено отказываться от убыточных видов деятельности. Рост показателей в маральнике приостановился (табл. 13).

Таблица 13

Показатели в мараловодстве ООО «Верхний Уймон» в 2014 году

Показатель	На начало года	На конец года	Изменения
Маралов всего:	1358	1358	-
рогачи	595	572	Минус 23
маралухи	400	400	-
перворожки	63	41	Минус 22
маралушки	101	72	Минус 29
телята	199	273	Плюс 74

С марала-рогача в среднем было получено 7,25 кг сырых пантов, деловой выход маралят составил 69%. Это были хорошие показатели, но не лучшие на Алтае. В 2015 году поголовье маралов сократилось еще на 81 голову и составило 1277 оленей, в том числе:

рогачей — 546 (убыток 26);
 маралух — 350 (убыток 50);
 перворожек — 84 (прирост 43);
 телят — 163 (убыток 110).

Продуктивность рогачей сохранилась (7,27 кг), но выход маралят упал до 62%. Вместо 1571 кг консервированных пантов, реализованных в 2014 году, в 2015 году продали 1555 кг. Выручка за год возросла за счет лучшей цены в мараловодстве с 18 млн. руб. до 27,9 млн. руб., но и затраты при этом увеличились на 3 млн. руб. (23%). Вывод один — в мараловодстве не хватает инвестиций для расширенного воспроизводства стада и повышения его продуктивности.

В апреле 2018 года я вновь участвовал в отчетно-выборном собрании ООО «Верхний Уймон» и обратил внимание, что А.Е. Ничков не присутствовал, как обычно, на годовом отчете — оказалось, что он вышел из состава учредителей.

ООО «Верхний Уймон» оставалось племенным заводом по разведению маралов алтае-саянской породы с основным видом деятельности — это разведение маралов, производство пантов и реализация их на международном рынке. При этом предприятие продолжало заниматься разведением крупного рогатого скота и лошадей (табл. 14).

Таблица 14

Поголовье сельскохозяйственных животных в ООО «Верхний Уймон»
на 1 января 2018 года

№ п/п	Наименование животных	Поголовье на 1 января 2017	Поголовье на 1 января 2018	Прибыль/убыток (голов)
1.	Лошади всего:	175	161	убыток 14
	рабочие лошади	36	38	прирост 2
	жеребцы	4	4	-
	конематки	70	69	убыток 1
	молодняк	65	50	убыток 15
2.	КРС всего:	155	183	прирост 28
	быки	2	2	-

Окончание таблицы 14

№ п/п	Наименование животных	Поголовье на 1 января 2017	Поголовье на 1 января 2018	Прибыль/убыток (голов)
	коровы	93	96	прирост 3
	нетели	18	-	убыток 18
	молодняк	42	85	прирост 43
3.	Маралы всего:	1277	1277	-
	рогачи	554	556	прирост 2
	маралухи	353	359	прирост 6
	перворожки	117	48	убыток 69
	маралушки	125	110	убыток 15
	телята	128	204	прирост 76

В 2017 году было нарезано 3699 кг сырых пантов и получено 1422 кг консервированных пантов. Продуктивность на одного рогача составила 6,8 — 8 кг сырых пантов. Деловой выход телят опустился до 52%. Выгодность подотрасли сельхозпроизводства по-прежнему оставалась очень разной (табл. 15).

Таблица 15

Прибыльность различных подотраслей в ООО «Верхний Уймон» по итогам работы в 2017 году (тыс. руб.)

№ п/п	Вид подотрасли	Заграты (тыс.руб.)	Выручка (тыс.руб.)	Прибыль / убыток (тыс.руб.)
1.	Мараловодство:	20 296	20 598	прибыль 302
	продажа пантов	13 967	20 598	прибыль 6 631
	продажа маралов и мяса маралов	1 596	1 443	убыток 149
2.	Коневодство	2 076	1 048	убыток 1 517
3.	Скотоводство (КРС)	3 642	1 265	убыток 1 980

Еще 144 тыс. руб. убытков за год принесло пчеловодство. Почти 2,5 млн. руб. по итогам года «Верхнему Уймону» оставались должны дружественные предприятия, в том числе ООО «Тихонькое» — 622 тыс. руб., ООО «Гагарка» — 540 тыс. руб., ООО «Объединение «Инициатива» — 1254 тыс. руб. Не только коневодство и разведение крупного рогатого скота в самом хозяйстве, но и три других хозяйства фактически существовали за счет Верх-Уймонского маральника.

Министерству сельского хозяйства дирекция ООО «Верхний Уймон» пояснила, что в 2017 году произошло снижение выручки и увеличение

стоимости продаж: «Основным фактором уменьшения выручки по продукции мараловодства (панты марала) является снижение количества проданных пантов в количественном выражении вследствие снижения продуктивности маралов и снижения средней цены реализации пантов».

Это все правда. Но правда состоит и в том, что маральник нуждается в опережающих инвестициях, без которых он из «дойной коровы» (давайте называть вещи своими именами) превратится в низкорентабельное производство.

У таких мараловодов, как Александр Егорович Ничков, узнаешь интереснейшие подробности из жизни животных, которые не прочитаешь ни в одной книжке. От него я услышал впервые выражение «тайга колетса» — в период гона от крика самцов. Как-то рассказал Александру Егоровичу, что в 1897 году А.А. Силантьев, изучая мараловодство на Алтае, описал случай, когда панты у марала выросли в январе. Он в ответ сообщил, что в 1990-е годы на Мультинском маральнике у одного рогача панты начали расти в декабре и в конце января окончательно сформировались. В Уймонском маральнике пятилетний элитный бык давал отличные панты, затем прекратил — даже коронки не сбросил. В гон ревел, как все маралы. Через два года его пришлось забить.

В разговоре с А.Ф. Бочкаревым, я сказал, что не перестаю удивляться наблюдательности бригадира, а тот еще раз напомнил мне, что «он их почти всех знает в рожу». Оказывается, маралы отличаются не только по масти, но и по повадкам, что отражается в их кличках: Тихоня, Кеша, Коля. Еще есть клички Шебалин (значит из Шебалино), был бык Кайтанакский, который вечно подлазил под ворота и ломал их. Получают клички и некоторые самки. В музее алтайского марала в Бийске есть фото белой маралухи из Талдинского маральника Усть-Коксинского района, но была белая маралуха и в Мультинском маральнике. В Нижнеуймонском маральнике, рассказывал А.Е. Ничков, была маралуха с одним рогом. В гоне как самка она не участвовала. В музее есть фото этой маралухи. Вообще известно, что самки значительно осторожнее («дичее», говорят мараловоды) рогачей, пугливее их, но при этом бывают очень агрессивными. Именно самка в Мультинском маральнике чуть не убила передними копытами А.Е. Ничкова. Александр Егорович вспомнил, что в 2004 году он объезжал парки, и его собака нашла недавно появившегося на свет мараленка, который в испуге закричал. «Прилетела» разъяренная самка, набросилась на собаку, загнала ее под корягу в ручей и не выпускала два дня. Собака все-таки пришла, но от переохлаждения вскоре пропала.

Во взаимоотношениях мараловода и оленя много удивительного. Я недавно рассказал Александру Егоровичу о своей встрече с братьями, бригадирами-мараловодами Василием Марковеевичем и Николаем Марковичем Головинными из СПК «Теньгинский». Младший Василий, пока мы ждали Николая,

говорил, что если в его бригаде стогнать маралов для разбивки и других работ — занятие тяжелое, то у Николая «маралы ходят по струнке». Они подчиняются даже голосу бригадира, и объяснить это просто невозможно. Александр Егорович в ответ рассказал не менее интересное: они с А.Ф. Бочкаревым были ошеломлены, когда увидели, как заходил к маралухам бригадир П.Ф. Попов, трогал их за морды и ни одна маралуха даже не огрызнулась. Как будто животные были загипнотизированы человеком.

В Верх-Уймонском маральнике в 1995 году захотели воспитать ручного марала Матвея для управления стадом, но в 1998 году его задрал медведь. В Огневском маральнике, говорит Александр Егорович, ручной марал вставал в ворота и сознательно не пропускал остальных. Ничков очень переживает, что в последние три года в маральнике стало много оленей-прыгунов. В Покровском маральнике их называют «брумелями». Рогачи наваливаются грудью на сетку, мнут ее и легко перепрыгивают. Самки же ложатся на бок и передними ногами делают под сеткой подкоп, чтобы выбраться за парковую изгородь. Никто из мараловодов не смог объяснить мне причину столь осознанного действия. Александр Егорович считает, что явление стало слишком массовым, чтобы можно было справиться с ним традиционной выбраковкой таких маралов. За последние 100 лет высоту изгородей в маральниках Алтая уже нарастили с двух до двух с половиной метров. Видимо, это еще не предел, а значит, понадобятся дополнительные расходы на укрепление парковых изгородей.

Мне запали в память слова известного в прошлом бригадира мараловодов Чепрасова из Абайского маралосовхоза, что «марала надо делать». Так гениально просто он выражал самую суть селекционной работы, которая ведется, например, в Уймонском маральнике. В 2017 году я для лучшего понимания технологии этой работы просмотрел журналы учета срезки пантов и составил таблицу соотношения продуктивности рогачей с числом самцов, дающих более 11 кг сырых пантов (табл. 16).

Таблица 16

Таблица продуктивности рогачей в Верх-Уймонском маральнике
в 2010 — 2016 гг.

№ п/п	Показатели		Продуктивность стада, кг	Количество рогачей с продуктивностью более 11 кг	Лучший результат, кг и номер животного
	Год				
1.	2010		6,0	16	15,3 (№4325)
2.	2011		7,1	28	15,2 (№4161)
3.	2012		7,3	27	15,9 (№1062)

№ п/п	Показатели		Продуктивность стада, кг	Количество рогачей с продуктивностью более 11 кг	Лучший результат, кг и номер животного
	Год				
4.	2013		6,6	10	14,2 (№4109)
5.	2014		7,3	34	18,3 (№31624)
6.	2015		7,3	36	15,8 (№31624)
7.	2016		7,2	27	14,9 (н/д)

Казалось бы, в маральнике достаточно высокопродуктивных быков для достижения продуктивности стада в 8,0 кг сырых пантов на рогача, но не все так просто в реальной работе.

Во-первых, из разговора с А.Е. Ничковым следует, что далеко не каждый высокопродуктивный марал является хорошим племенным быком. Он привел мне пример, когда отличный марал-пантач, дававший 16 кг срезных пантов, не мог в период гона удержать больше трех самок, а менее выдающиеся пантачи удерживают около себя до 40 маралух. Еще один пример. Обезжая во время гона парк, Александр Егорович обратил внимание, что один из крупных племенных быков лежит в низинке, ревет («базльжит») и даже не встает в поисках самки. Этого быка бригадир больше не пустил в гон.

Во-вторых, племенные быки требуют к себе особого отношения, их надо беречь, так как срок их жизни заметно короче, чем у остальных рогачей. Как-то в конце гона у маралов я приехал и вечером пошел посмотреть на спустившихся вниз быков. Сразу бросился в глаза крупный пантач, который передвигался так, как будто учился ходить: сделает пару шагов и стоит, пошатывается. Рядом спокойно паслись еще два самца. Видно было, что первый бык едва держался после изнурительного гона. Таких быков, по словам Александра Егоровича, приходится аккуратно стогать вниз и ставить на усиленную кормежку, иначе некоторые из них зиму не переживут.

Однажды после гона я зашел с Александром Егоровичем к быкам-маралам поснимать технологию их кормления. Старался подойти к маралам с фотоаппаратом поближе, но бригадир посоветовал мне быть поосторожнее — некоторые маралы даже после гона сохраняют агрессивность и могут напасть на человека. Я обратил внимание, что большой бык держался как-то в стороне от остальных и не лез к кормушке. Александр Егорович пояснил, что этого быка придется забить, так как другой бык своими рогами — отавой (тычком) — выбил ему глаз. У не-

которых маралов панты срезают на стадии пяти концов, но они бы выросли до 7–8 концов. У таких быков после срезки пантов рога (отава) продолжают расти. Их приходится вновь срезать, иначе они ранят многих маралов в стаде.

Наблюдая, как старательно бригадир со старшим сыном Иваном раскладывали сено по кормушкам, чтобы доступ был у всех маралов, я думал, какая все-таки нелегкая работа у мараловодов и как зависит ее результат от многих факторов, но особенно от возможности хорошего кормления оленей. В Уймонской долине в 2018 году природа опять не позволила получить хорошие корма: там, где не дошла засуха, травостой почти уничтожила саранча. Новая техника помогла верх-уймонцам меньше зависеть от капризов природы и собрать весь урожай трав, но недостаток кормов все равно ощущается. Маралам особенно не хватает сбалансированного корма.

На последнем собрании я предложил подумать о преобразовании имеющегося убыточного мукомольного комплекса в комбикормовый заводик.

Особенно напряженной в мараловодстве является кампания по срезке пантов. А.Е. Ничков нередко отправляет рогача «на дорост», срезав у него только один пант. Это дополнительная работа для бригады, тем более что марал второй раз идет в станок особенно трудно. Однако это получение, как правило, дополнительных 400 граммов пантов с рогача, и бригадир идет на эти затраты. Он идет и на дополнительные затраты, когда не соглашается с механизацией процесса консервации пантов, и доверяет только рукам и глазам мараловодов. Его оправданием служит тот факт, что к качеству верх-уймонских пантов уже много лет нет претензий. Более того, на корейском (основном) рынке пантов верх-уймонские пользуются очень хорошей репутацией.

За 23 года нашего знакомства я не меньше сотни раз бывал в маральнике и ни разу не застал А.Е. Ничкова без дела. С утра и до вечера у него дела «оленоводческие». Вечером — пчелы, с которыми он не расстается всю жизнь. Если не пчелы, то сенокос, домашнее хозяйство, стройка и т.д. Однако иногда Александр Егорович вырывается на охоту или на рыбалку. По Катуню поднимается верхом на «базу» (место ночлега) и в течение 7–10 дней от базы заходит пешком на несколько километров вверх по реке. Перекусывает — с собой хлеб, сало, вода. Затем спускается вниз с «корабликом» или спиннингом. Как правило, приносит 80–100 хариусов, чистит их вечером и засаливает в «суму». Ест только уху. И так, если позволяет время, целую неделю. Ничего себе отдых, думал я, когда писал эти строки. Каждый день 10 км по берегу Катуня...

В сентябре 2018 года мы вновь разговаривали с А.Е. Ничковым и я спрашивал его, что же главное в работе бригадира-мараловода. Он отвечал

не сразу, но уверенно — любовь к профессии, уважение к людям и определенная «жестковатость» в бригаде. Оказывается, он думает о преемнике и прямо говорит, что очень хочет, чтобы дело, которому он посвятил жизнь, попало в надежные руки. Александр Егорович считает, что ему надо подготовить маральник к будущей передаче: пару лет необходимо потратить на ремонт ветшающей парковой изгороди, укрепить бригаду. Молодые мараловоды лишний раз не расстараятся, за собой не уберут, к работе относятся хуже, чем старшее поколение, и за профессию уже не так держатся. Отсюда у него и слово «жестковатость», а не жестокость. А.Е. Ничкову не стыдно за сделанное, но есть чем быть недовольным. Сердится на себя за то, что болячки не позволяют уже выполнять самому, как раньше, например, прививочную кампанию. Расстраивается из-за частых проникновений в маральник зверя, особенно донимают медведи. Переживает, что не может найти эффективное средство борьбы с «прыгунами» и т.д.

Так и живет один из лучших бригадиров-мараловодов Алтая в ежедневных заботах и думах о деле, которому посвятил себя, и ни разу об этом не пожалел. Остается только надеяться, что у этой истории обязательно будет хорошее продолжение.

Список литературы

1. ГААК. Ф.233. Оп.1а. Д.162. л.л. 201, 201об.
2. ГААК. Ф.233. Оп.1а. Д.163.
3. ГААК. Ф.233. Оп.1а. Д.656.
4. ГААК. Ф.4. Оп.1. Д.3152. л.л. 1 об–5
5. ГААК. Ф.4. Оп.1. Д.3241. л.л. 11–11об
6. ГААК. Ф.Р-9. Оп.1. Д.169. л. 166
7. ГААК. Ф.Р-9. Оп.1. Д.185. л.л. 297–298
8. ГАСПДРА. Ф.345. Оп.1. Д.44. л.л. 31–33
9. ГАСПДРА. Ф.345. Оп.1. Д.51
10. ГАСПДРА. Ф.Р-315. Оп.1. Д.125. л. 2
11. Горный Алтай и его население. — Том I. Кочевники Бийского уезда. Выпуск 1. Составил С.П. Швецов. — Барнаул, 1900. — С. 181.
12. Залесский П.М. Мараловодство в Северо-Западном Алтае // Мараловодство в Сибирском крае. — Новосибирск, 1930.
13. Звезда Алтая. — 2009. — 3 июля.
14. Кадиков Б.Х. Семья Атамановых // Хочу рассказать. — Бийск, 2012. — С. 139-148.
15. Книга памяти жертв политических репрессий. — Горно-Алтайск. 1996.
16. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи. — Новосибирск, 1993.
17. Мальцева Т.Г. Усть-Коксинские архивные чтения. — Вып.1. — Усть-Кокса, 2007. — С. 67–68.
18. Мукаева Л.Н. Из опыта взаимодействия уймонских староверов с государственной властью: от противостояния к согласию // Усть-Коксинские историко-архивные чтения: материалы третьих, четвертых, пятых, шестых, ист.-арх. чтений. — Барнаул. 2014.
19. Никольский А.М. Путешествие в Алтайские горы летом 1882 года — Т. XIV. — Санкт-Петербург, 1882.
20. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1878 гг. по поручению ИРГО. — Вып. I. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии Северо-Западной Монголии. — Санкт-Петербург, 1881. — С. 83–89.
21. Путешествие доктора Бунге по восточной части Алтая в 1826 г. — Томск.
22. Силантьев А.А. Исследование мараловодства на Алтае. — Санкт-Петербург, 1900.
23. Третьяк И.Я. Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 г. — Новосибирск, 1933.

24. Усть-Коксинские архивные чтения, 2007.
25. Фролов Н.А. Пантовое оленеводство Алтая после 1917 года. — Бийск: Музей алтайского марала, 2018. — С. 50–52, 109.
26. Фролов Н.А. Социально-экономический портрет мараловодов до-революционного Алтая: Сборник работ о пантовом оленеводстве конца XIX в. — Бийск: Музей алтайского марала, 2015. — 212 с.
27. Фролов Н.А. У истоков пантового оленеводства России. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. — 328 с.
28. Ядринцев Н.М. Сведения о мараловодстве на Алтае // Записки Зап.-Сиб. отделения ИРГО. — Омск, 1879.
29. ГАСПДРА. Ф.345. Оп.1. Д.48. л.л. 1, 2.

Список крестьянских хозяйств деревни Верхний Уймон (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 1917 года)

№ п/п	ФИО главы хозяйства и его возраст (лет)	Кол-во членов семьи	Кол-во с/х животных в хозяйстве						Землевание в хозяйстве (десят.)			Участие в кооперации
			Лошади	КРС	Овцы	Прочие	Маралы	Пашня	Покос	Другие		
1.	Агапов Василий Афанасьевич, 37	6	18	24	12	14	-	-	4,5	3	-	
2.	Агапов Евсей Никифорович, 32	6	16	12	24	-	-	-	5,1	3	-	
3.	Агапов Емельян Афанасьевич, 34	5	13	15	10	-	-	-	5,6	2,5	-	
4.	Агапов Калистрат Афанасьевич, 47	5	8	16	5	-	-	-	4,1	-	-	
5.	Агапов Михаил Калистратович, 20	3	6	10	15	-	-	-	-	2	-	
6.	Агапов Павел Афанасьевич, 41	2	10	22	9	-	-	-	4,1	6	-	
7.	Агапов Трофим Афанасьевич, 29	5	10	13	8	-	-	-	5,1	2	-	ЧПО
8.	Атаманов Вахромей Семенович, 48	12	41	40	90	19	-	-	14,4	10	-	ЧМА
9.	Атаманов Семен Кононович, 65	14	38	57	108	-	-	-	12,2	8	-	ЧПО
10.	Атаманов Артамон Филиппович, 60	7	17	18	28	3	-	-	8,2	5	-	ЧПО

11.	Атаманов Гавриил Филиппович, 39	10	16	31	25	-	-	-	5,1	2,5	-	ЧПО
12.	Атаманов Никифор Артамонович, 37	6	15	101	35	-	-	-	13,2	4,5	-	
13.	Атаманова Агафья Семенова, 53	1	1	4	-	-	-	-	-	2	-	
14.	Атаманова Ефросинья Павловна, 30	2	2	4	-	-	-	-	-	1	-	ЧПО
15.	Атаманов Филипп Осипович, 80	9	89	61	85	1	14	13,1	5	5	-	ЧПО
16.	Атаманов Гаврила Филиппович, 39	10	16	31	25	-	-	5	2,5	-	-	ЧПО
17.	Алексеевский Александр Александрович, 56 (писарь из Архангельской губернии, дворянин)	6	4	11	5	-	-	-	-	-	-	ЧПО
18.	Баукин Емельян Власьевич, 35	1	14	10	24	-	-	1	3	-	-	
19.	Блинова Евгения Панфиловна, 56	2	5	9	-	-	-	-	-	-	-	
20.	Блинов Ефим Минеевич, 48	7	18	20	22	7	-	6,7	6	-	-	ЧКТ ЧПО
21.	Блинова Ефимия Антроповна, 36	4	7	8	-	-	-	1,6	3	-	-	ЧПО
22.	Блинов Иван Минеевич, 43	7	3	9	6	-	-	2,4	3	-	-	ЧКТ

23.	Блинов Спиридон Наумович, 55	5	19	11	-	4	-	2	-	ЧАЛ
24.	Блинов Осип Парфенович, 80	9	21	39	40	-	-	8,2	3	ЧПО
25.	Блинов Пимен Минаевич, 32	3	3	7	8	1	-	0,7	3	-
26.	Бочкарев Игнатий Киприянович, 22	2	3	4	4	1	-	5,3	3	ЧАЛ
27.	Бочкарев Иосиф Александрович, 46	9	21	32	32	1	-	11,2	7	ЧПО
28.	Бочкарев Калинин Александрович, 24	3	5	4	10	-	-	1,6	2,5	-
29.	Бочкарев Карл Мелентьевич, 43	8	14	17	13	-	-	5,6	6,5	ЧПО
30.	Бочкарев Киприян Ивойлович, 46	8	18	21	50	-	30	7	5	ВП
31.	Бочкарев Киприян Несторович, 26	5	13	15	12	-	-	4,1	4	ЧПО
32.	Бочкарев Клементий Сильвесторович, 43	5	22	39	29	9	-	10,1	9	ЧПО
33.	Бочкарев Кондратий Анисимович, 45	9	19	35	66	5	-	9,6	10,5	ЧПО
34.	Бочкарев Кузьма Мелентьевич, 38	4	11	23	32	-	-	5,5	2,5	-
35.	Бочкарев Лев Мартемьянович, 34	8	10	17	22	3	-	6,5	3	ЧПО

36.	Бочкарев Максим Вавилович, 56	19	64	43	80	50	-	18,9	8	-	
37.	Бочкарев Мартемьян Иванович, 60	10	17	18	37	19	-	9,2	5	-	ЧПО
38.	Бочкарев Мирон Васильевич, 44	4	9	113	19	-	-	4,6	3	-	
39.	Бочкарев Наум Иванович, 38	7	65	14	130	-	25	5,6	-	-	
40.	Бочкарев Неофит Фадесвич, 31	6	9	11	12	10	-	3,8	3	-	
41.	Бочкарев Панерил Александрович, 24	5	18	24	14	-	-	5,4	5	-	
42.	Бочкарев Папшин Васильевич, 48	7	13	11	15	12	-	4,1	3	-	ЧКГ
43.	Бочкарев Плагон Александрович, 25	5	5	8	17	-	-	3,2	3	-	ЧПО
44.	Бочкарев Анисим Михайлович, 79	11	45	24	110	3	-	14,2	6	-	
45.	Бочкарева Александра Ерофеевна, 47	7	10	9	6	-	-	3,3	2	-	ЧАЛ
46.	Бочкарев Александр Мелентьевич, 55	8	8	11	30	2	-	4,3	3	-	ЧАЛ
47.	Бочкарев Андрей Иванович, 45	3	36	25	94	2	10	11,2	4	-	
48.	Бочкарев Артемий Васильевич, 38	4	11	16	23	-	-	5,3	7,5	-	ЧПО

49.	Бочкарев Венедикт Иванович, 50	8	13	20	45	-	12	5,3	2	-	ЧПО
50.	Бочкарев Влас Вавилович, 64	4	44	60	45	23	-	10,2	3	-	
51.	Бочкарев Давид Александрович, 59	3	8	17	6	9	-	6,8	3,5	-	ЧАЛ
52.	Бочкарев Даниил Васильевич, 33	5	11	11	5	1	-	3,7	4	-	ЧПО
53.	Бочкарев Елифан Анисимович	7	10	17	30	6	-	6,1	3	-	ЧПО
54.	Бочкарева Ефимия Леонтьевна	2	18	10	-	-	-	-	3	-	
55.	Бочкарев Евтихий Григорьевич, 25	4	4	5	7	-	-	3,3	2,5	-	ЧПО
56.	Бочкарев Иван Александрович, 50	8	13	13	14	-	-	6,4	5	-	ЧПО
57.	Бочкарев Иван Вавилович, 48 (нетрудоспособный)	5	96	58	68	27	-	15,1	3	-	
58.	Бочкарев Иван Васильевич, 41	7	18	17	41	7	-	4,3	3	-	
59.	Бочкарев Яким Александрович, 50	10	15	21	20	3	-	5,2	9	-	ЧПО
60.	Бочкарев Иван Фотеевич, 27	3	6	13	14	-	-	3,7	2	-	
61.	Бочкарева Мария Васильевна, 56	1	5	10	8	-	-	-	-	-	

62.	Бочкарев Кириян Нестерович, 26	5	13	15	12	-	-	4,1	4	-	ЧПО
63.	Бочкарев Кириян Ивойлович, 46	13	18	21	50	-	30	6,9	5	-	ЧПО
64.	Бочкарев Даниил Васильевич, 33	5	11	11	5	1	-	3,6	4	-	ЧПО
65.	Бочкарев Савелий Захарович, 39	9	23	25	-	4	-	10,3	5	-	ЧПО
66.	Бочкарев Степан Миликевич, 40	7	12	16	8	3	-	2,8	2,5	-	ЧПО
67.	Бочкарев Трефилий Александрович, 35	9	5	11	15	3	-	5,1	2,5	-	ЧПО
68.	Бочкарев Феодор Александрович, 43	8	19	99	31	10	-	6,1	3	-	ЧПО
69.	Бочкарев Филипп Иванович, 47	5	20	31	65	-	-	8,1	3	-	
70.	Бочкарев Фотей Федорович, 60	4	10	12	20	-	-	6,2	6	-	ВП
71.	Бочкарев Уосей Иванович	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
72.	Ермолаев Герасим Ермилович, 66	13	27	42	90	22	-	15,1	6	-	ЧПО
73.	Ермолаев Мирон Герасимович, 40	7	12	11	20	7	-	9,7	2	-	ЧПО
74.	Железнов Родион Финногенович, 41	3	3	11	3	5	-	2,1	3	-	ЧПО

75.	Зайцев Михаил Максимович, 43	10	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
76.	Иванова Александра Ларионовна, 44	7	32	25	110	1	-	-	-	13,5	3	-	-	-	-	-	ЧПО
77.	Иванов Гурия Ерофеевич, 37	3	20	105	95	-	-	-	-	12,2	3	-	-	-	-	-	ЧПО
78.	Иванов Ерофей Иванович, 68	9	40	29	150	-	-	-	-	12,5	5	-	-	-	-	-	ЧПО
79.	Кудрявцев Василий Иванович, 66 (калмык)	2	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
80.	Кудрявцев Фераонт Васильевич, 28	4	2	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
81.	Кудрявцева Ефимия Васильевна, 31	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
82.	Клепиков Еврасий Степанович, 24	8	6	13	-	-	-	-	-	5,1	4	-	-	-	-	-	ЧПО
83.	Клепиков Трофим Ипатович, 70	4	10	17	11	9	-	-	-	6	4	-	-	-	-	-	ЧПО
84.	Коробейников Семен Филиппович, 46	4	10	35	15	8	-	-	-	3,6	11	-	-	-	-	-	ЧПО
85.	Караваев Семен Лаврентьевич, 25 (сборщик молока)	7	4	-	-	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
86.	Кононов Семен Григорьевич, 29	6	7	6	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ЧПО
87.	Казанцев Яков Трофимович, 35	3	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ВК

88.	Макаров Ананий Панфилович, 36	3	23	21	18	3	-	4,7	4	-	ЧПО
89.	Макаров Вакул Кириянович, 38	7	11	17	13	15	-	5,7	4,5	-	
90.	Макаров Иван Панфилович, 33	7	8	17	7	4	-	2,3	3	-	ЧКСТ
91.	Макаров Фока Кириянович, 31	6	7	21	4	-	-	4,6	3	-	
92.	Мамонтов Иуда Савельевич, 27	5	11	13	10	-	-	7,6	3	-	ЧПО
93.	Мамонтов Савелий Антонович, 57	9	27	31	30	1	3	6,7	3	-	
94.	Малашин Иван Михайлович, 65 (слесарь)	2	-	-	-	-	-	-	-	-	
95.	Макаров Иван Парфенович, 39	7	8	16	-	3	-	7,6	4	-	ЧМТ ЧКСТ
96.	Нагибин Ким Варфоломеевич, 37	4	4	8	-	-	-	5	4	-	
97.	Огнева Аксинья Семеновна, 60	3	-	2	-	-	-	0,1	1	-	ЧАЛ
98.	Огнева Татьяна Фоковна	2	3	4	-	7	-	-	-	-	
99.	Огнев Андрей Ларионович, 43	3	1	1	-	-	-	2,5	-	-	
100.	Огнев Гордей Матвеевич	-	-	-	-	-	-	3	3	-	

101.	Огнев Игнат Иванович, 39	8	28	123	20	-	-	6,7	2,5	-	
102.	Огнев Сергей Луппович, 17 (пильщик)	3	5	9	-	-	-	3	3	-	ЧПО
103.	Огнев Сосипатр Фокиевич, 50	10	16	27	30	10	-	8,6	6,5	-	ЧПО
104.	Огнев Симон Матвеевич, 34	3	6	17	8	6	-	4,5	2,5	-	ЧПО
105.	Огнев Тимофей Аверьянович, 28	5	5	9	-	-	-	4,1	3	-	
106.	Огнева Февронья Елифановна, 46	4	1	2	-	-	-	0,6	0,5	-	ЧПО
107.	Огнев Филимон Дмитриевич, 28	12	32	40	80	25	-	12,2	2,5	-	
108.	Огнева Ульяна Егоровна, 37	8	13	15	21	1	-	7	2,5	-	
109.	Огнев Яков Матвеевич, 28	6	27	24	33	-	-	10,6	4	-	
110.	Огнев Тимофей Афанасьевич, 43	1	1	-	-	-	-	-	-	-	
111.	Печенин Василий Тимофеевич, 34	6	2	3	-	9	-	-	-	-	ЧКТ
112.	Рейман Петр Адолфович, 33 (эстонец)	4	3	2	-	3	-	-	-	-	ЧКТ
113.	Черепанов Савелий Васильевич, 75	12	14	19	15	6	-	8	6	-	ЧКТ

114.	Черепанов Андриан Васильевич, 60	10	19	40	35	11	-	11,5	9	-	
115.	Черепанов Галафтифон Леонович, 20	4	5	10	8	1	-	5,3	3	-	
116.	Черепанов Егор Федорович, 38	10	9	15	15	-	-	2	4	-	
117.	Черепанов Ивойла Федорович, 36	11	35	51	40	-	2	14,2	6	-	
118.	Черепанов Карп Федорович, 47	11	30	23	74	6	9	13,2	6	-	ЧПО
119.	Черепанов Семен Матвеевич, 60	11	9	13	23	1	-	4,4	6	-	ЧПО ЧКТ
120.	Черепанов Феоктист Филиппович, 35	6	5	14	-	-	-	4,1	4	-	
121.	Чернов Федот Леонович, 26	7	115	33	150	30	48	18,2	7,5	-	
122.	Чернов Иван Леонович, 42 (писарь)	4	5	22	-	-	-	4	25	-	ЧПО ЧКТ
123.	Чернов Федор Анисимович, 44	9	25	33	89	2	-	14,2	3	-	ЧПО ЧКТ
124.	Чернов Федор Васильевич, 58	9	28	24	15	4	10	19,1	3	-	
125.	Чернов Платон Егорович, 50	12	28	32	60	12	15	10	9	-	ЧПО
126.	Чернов Петр Дмитриевич, 40	6	12	42	15	-	-	4,1	4	-	

127.	Чернов Михаил Ипатович, 27	4	11	8	7	-	-	2,1	4	-
128.	Чернов Максим Анисимович, 42	5	13	18	18	-	-	5,7	3,5	ЧПО
129.	Чернов Матвей Селиверстович, 38	5	5	7	-	-	-	1,7	2	ЧПО
130.	Чернова Мавра Афанасьевна, 45	5	2	8	-	-	-	-	-	
131.	Чернов Ипатаий Васильевич, 47	9	24	25	28	1	-	6,7	5	ЧКТ
132.	Чернов Ефим Денисович, 36	5	4	6	-	-	-	4,6	5	
133.	Чернов Денис Захарович, 58	2	5	1	-	-	-	-	-	

Примечание:

ЧПО — член потребительского общества;

ЧМА — член молочной артели;

ЧКТ — член кредитного товарищества;

ЧАЛ — член артельной лавки;

ВП — владелец пасеки;

ВК — владелец кузницы;

ЧМТ — член молочного товарищества.

Содержание

От автора.....	3
<i>Глава 1.</i> Появление мараловодства в деревне Верхний Уймон.....	4
<i>Глава 2.</i> Деревня Верхний Уймон и состояние мараловодства здесь в 1917 году	10
<i>Глава 3.</i> Мараловодство Верх-Уймоны в советский период. Сергей Ильич Огнев	18
<i>Глава 4.</i> Уймонский мараловод Александр Егорович Ничков	27
Список литературы	46
Приложение	48

Н.А. Фролов

**Уймонские
мараловоды**

Редактор
И.Б. Прохорова

Подготовка оригинал-макета
А.А. Карпов

Подписано в печать 26.04.2019
Формат 60X84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 3,49. Тираж 100 экз. Заказ № 123.

ООО «Ренд»,
656064, г. Барнаул, ул. Бабуркина, 12–108.